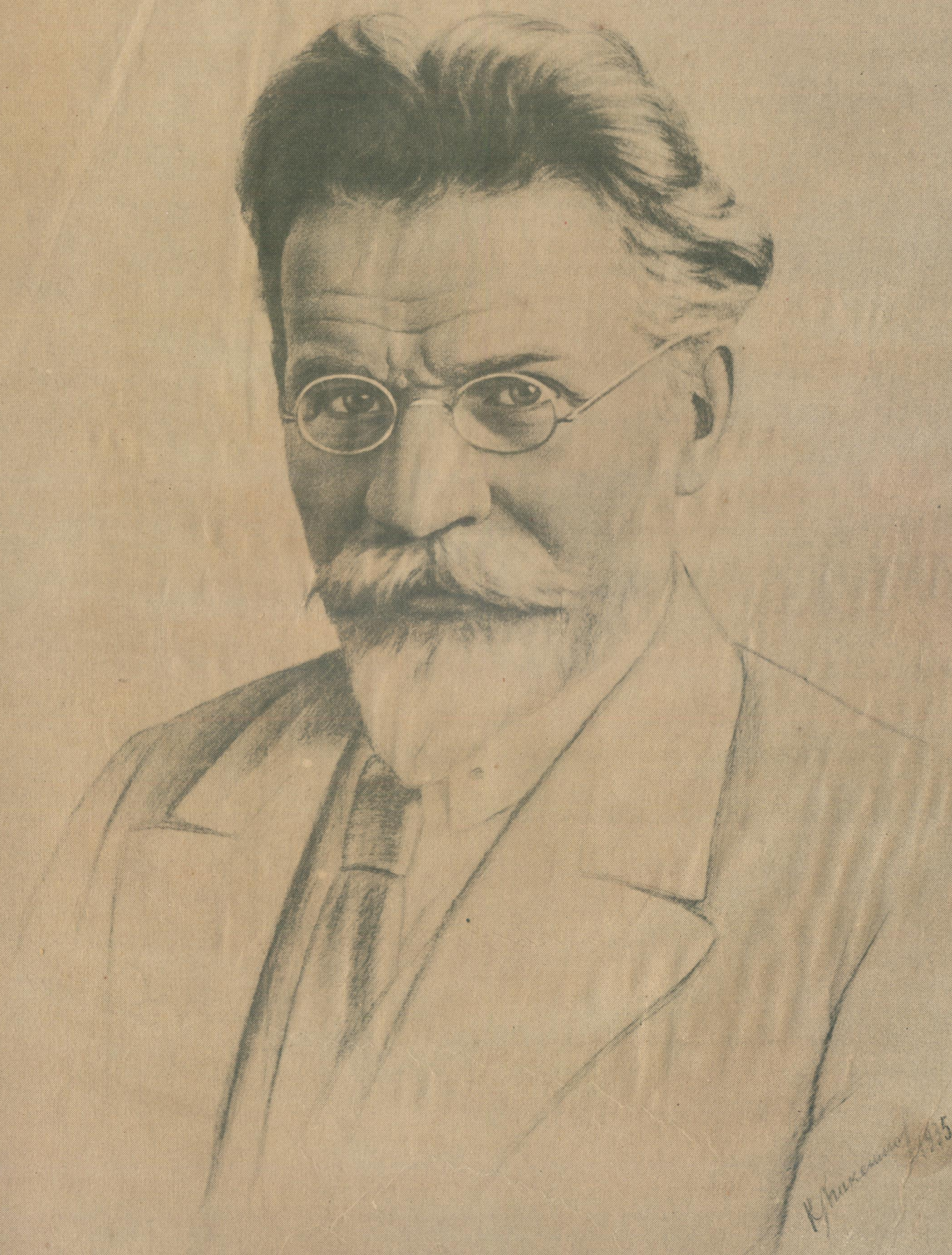

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Михаил Иванович КАЛИНИН

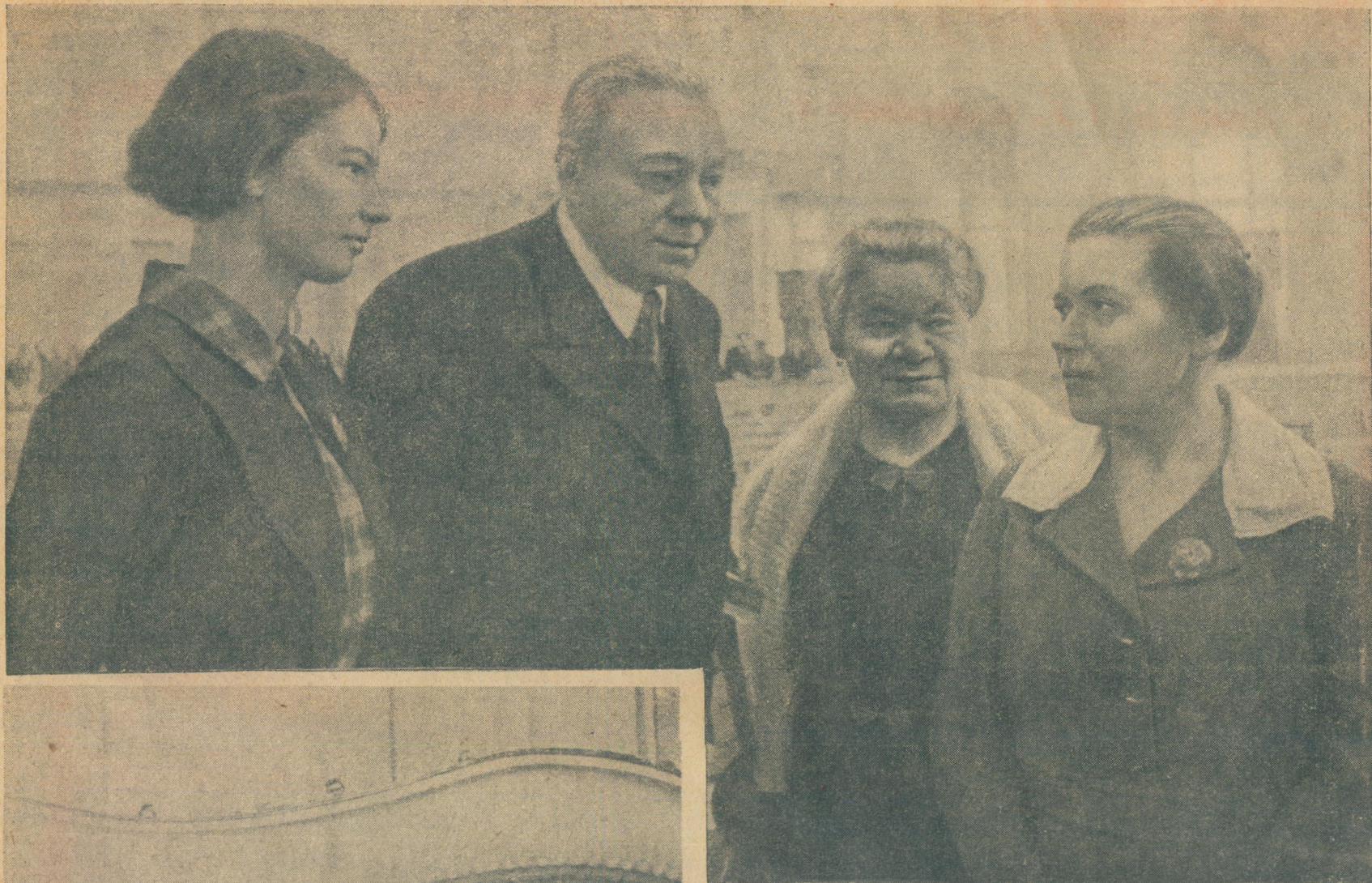
Работа первой Сессии Верховного Совета СССР была исключительно плодотворной. Она окажет колоссальное влияние на все наше государственное строительство, на весь ход общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни нашей страны.

Да здравствует Верховный Совет СССР—полно-властный хозяин земли советской!

Да здравствует ленинско-сталинское правительство нашей родины!

ПЕРВАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР 1-го СОЗЫВА. В зале заседания Совета Союза Верховного Совета СССР 13 января 1938 года. Группа депутатов Совета Союза Москвы и Московской области перед началом заседания. В первом ряду (слева направо)—товарищи С. Ф. Реденс, И. И. Гудов и И. И. Сидоров. Во втором ряду—народный артист СССР И. М. Москвин, Т. В. Федорова и В. И. Кабанов. В третьем ряду в центре—тов. О. Ф. Леонова. Фото Ф. Кислова (Союзфото)

↑
Группа депутатов Совета Союза Верховного Совета СССР на первой сессии Верховного Совета (слева направо): товарищи Е. В. Виноградова, знатная стахановка, акад. А. А. Байков, народная артистка СССР Е. П. Корчагина-Александровская и стахановка завода им. Жданова А. Ф. Смирнова.

←
Группа депутатов Совета Национальностей от Узбекской ССР. На первом плане депутат Совета Национальностей тов. Худайкулов Ибрагим и другие

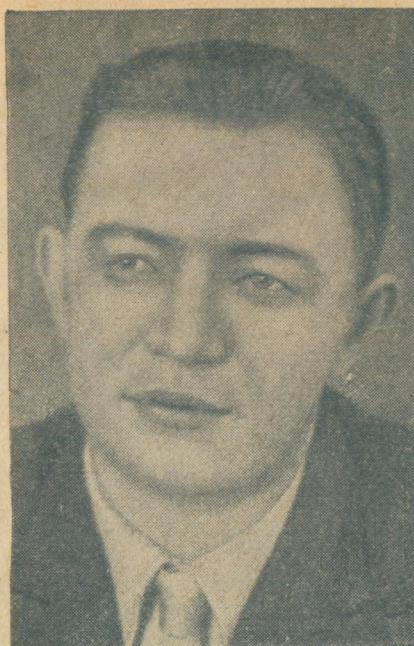
В зале заседания Верховного Совета СССР депутаты Совета Союза от Ярославской области (справа налево): товарищи М. М. Громов, герой Советского Союза, секретарь райкома ВКП(б) Резиноасбестового комбината Л. И. Валяева, начальник депо станции Буй А. И. Данилов, звеньевая колхоза «Красный шестишинец» Е. Е. Соболева, капитан Н-ской авиачасти И. Д. Климов и другие.

↓
Фото Б. Фишмана, С. Лоскутова и Ф. Кислова (Союзфото)

ПОСЛАНЦЫ ВЕЛИКОГО СОВЕТСКОГО НАРОДА— ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Продолжение. См. № 36 «Огонька» за 1937 год
и № 1 за 1938 год — начало серии портретов
депутатов Верховного Совета СССР.

Александр Ефимович Никитин —
зав. отделом печати и издательств
ЦК ВКП(б), член редколлегии
«Правды» — депутат Совета Нацио-
нальностей от Кантского избир.
округа (Киргизская ССР)

Иван Степанович Исаков, зам.
наркома Военно-морского флота
СССР — депутат Совета Союза от
Приморского избирательного окру-
га г. Ленинграда

Фридрих Фридрихович Шерер,
председатель колхоза — депутат Со-
вета Национальностей от Маркс-
штадтского избирательного округа
(АССР немцев Поволжья)

Дмитрий Ефимович Камыщенко,
агроном-орденоносец — депутат Со-
вета Национальностей от Киевского
сельского избирательного округа
(УССР)

Михаил Моисеевич Каганович, нар-
ком оборонной промышленности —
депутат Совета Союза от Рыбин-
ского городского избирательного
округа (Ярославская область)

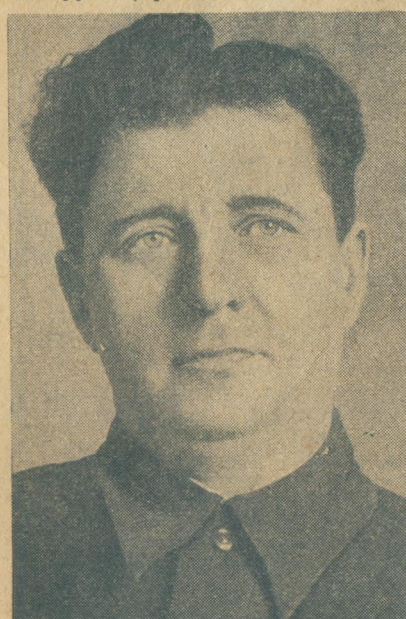
Николай Ильич Дедиков, секретарь
Московского областного комитета
ВКП(б) — депутат Совета Союза от
Волоколамского избирательного
округа (Московская область)

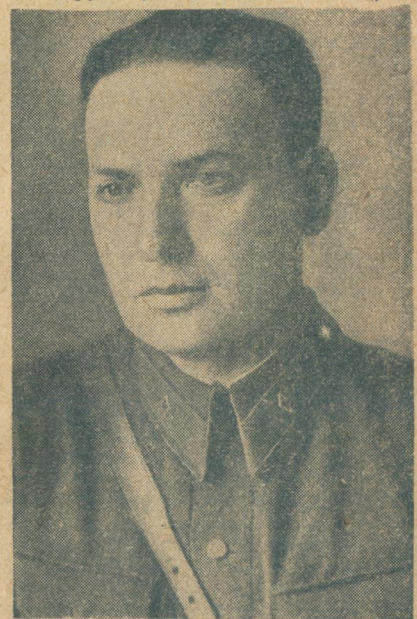
Константин Иванович Бутенко, зам.
наркома тяжелой промышленно-
сти — депутат Совета Союза от
Сталинского избирательного окру-
га (Новосибирская область)

Федор Абрамович Коваленко, на-
чальник цеха карбюраторного за-
вода — депутат Совета Националь-
ностей от Куйбышевского избира-
тельного округа (РСФСР)

Иван Дмитриевич Артюхин, педа-
гог, директор средней школы — де-
путат Совета Союза от Егорьев-
ского избирательного округа (Мо-
сковская область)

Дереник Захарович Апресьян, на-
родный комиссар внутренних дел
Узбекской ССР — депутат Совета
Союза от Ленинского избиратель-
ного округа (Узбекская ССР)

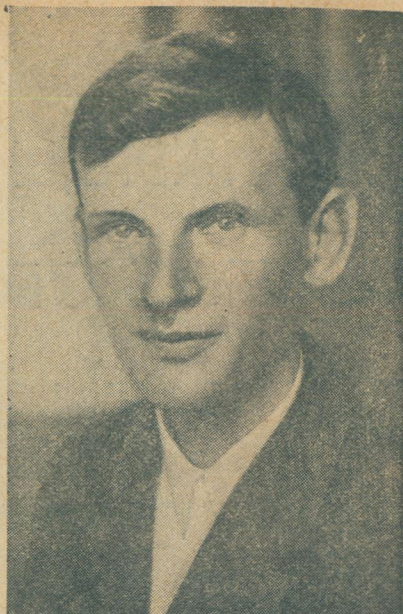
Прасковья Никитична Пичугина, председатель Таганского райсовета, орденосеца — депутат Совета Союза от Пролетарского избирательного округа г. Москвы

Иван Алексеевич Мунтян, стахановец, слесарь МТС — депутат Совета Национальностей от Григориопольского избирательного округа (Молдавская АССР)

Семен Захарович Гинзбург, зам. наркома тяжелой промышленности СССР, депутат Совета Союза от Белорецкого избирательного округа (Башкирская АССР)

Владимир Тихонович Игнатьев, пред. ЦК союза рабочих нефтепромыслов Кавказа — депутат Совета Национальностей от Бакинского избир. окр. (Азерб. ССР)

Алексей Дмитриевич Михайлов, секретарь Черниговского обкома КП(б)У — депутат Совета Союза от Черниговского избирательного округа (Черниговская область)

Елизавета Игнатьевна Папкина, председатель колхоза — депутат Совета Союза от Лепельского избирательного округа (Белорусская ССР)

Василий Георгиевич Ломоносов, нарком внутренних дел Дагестана — депутат Совета Национальностей от Кизлярского избирательного округа (Дагестанская АССР)

Николай Тимофеевич Малюшин, стахановец, мастер Мытищинского завода — депутат Совета Союза от Мытищинского избир. округа (Московская область)

Александр Николаевич Файбышев, председатель Оргкомитета ЦИК УССР по Житомирской области — депутат Совета Союза от Новоград-Волынского избир. округа (Житомирская область)

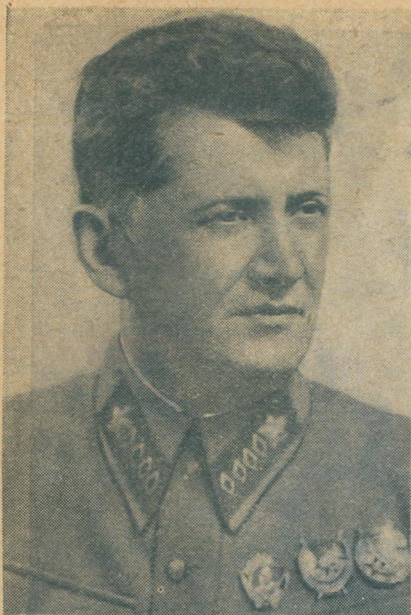
Евгения Владимировна Лозина, секретарь Воронежского облисполкома — депутат Совета Союза от Борисоглебского сельского избирательного округа (Воронежская область)

Яков Абрамович Попок, секретарь обкома ВКП(б) Республики немцев Поволжья, орденосеца — депутат Совета Союза от Энгельского избирательного округа (АССР немцев Поволжья)

Владимир Дмитриевич Никитин, исполн. обязанности первого секретаря Воронежского обкома ВКП(б) — депутат Совета Союза от Воронежского гор. избир. округа (Воронежская область)

Станислав Францевич Реденс, начальник Управления НКВД по Московской области — депутат Совета Союза от Подольского избирательного округа (Московская область)

Бия Шухибовна Мисостишхова, колхозница-орденоносец, ныне студент с.-х. школы — депутат Совета Национальностей от Урванского избир. окр. (Каб.-Балк. АССР)

Федор Иванович Лаштоба, начальник участка шахты им. Орджоникидзе, орденоносец — депутат Совета Национальностей от Криворожского избир. округа (УССР)

Яков Фомич Тягнибеда, заместитель председателя Совнаркома УССР — депутат Совета Союза от Нежинского избирательного округа (Черниговская область)

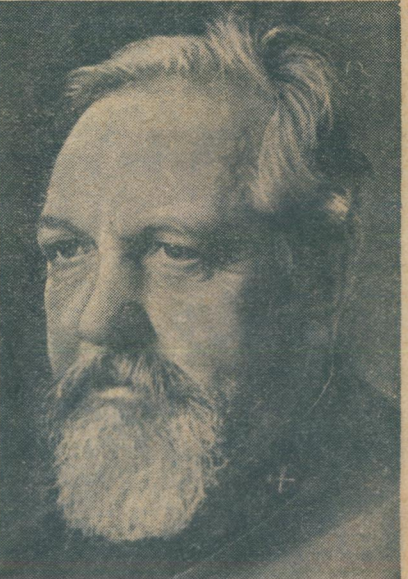
Нина Петровна Лисунова, мотальщица фабрики им. Куйбышева — депутат Совета Национальностей от Могилевского городского избирательного округа (БССР)

Сергей Иванович Лебедев, начальник управления НКВД по Тульской области, орденоносец — депутат Совета Союза от Ефремовского избир. округа (Тульская область)

Михаил Павлович Смирнов, народный комиссар торговли СССР — депутат Совета Союза от Бабаевского избирательного округа (Вологодская область)

Владимир Николаевич Образцов, профессор-орденоносец — депутат Совета Союза от Ртищевского избирательного округа (Саратовская область)

Ольга Федоровна Леонова, учительница — депутат Совета Союза от Свердловского избир. округа г. Москвы

Андрей Федотович Колетвинов, председатель Оргкомитета ВЦИК по Тульской области — депутат Совета Союза от Щекинского избирательного округа (Тульская область)

Клавдия Федоровна Сахарова, зам. директора Ивановского хлоп.-бум. комбината «Большевик» — депутат Совета Союза от Кинешемского избир. округа (Ивановская область)

Борис Давыдович Берман, народный комиссар внутренних дел БССР — депутат Совета Союза от Полоцкого избир. округа (Белорусская ССР)

Владимир Леонтьевич Комаров, президент Академии наук СССР—депутат Совета Союза от Дзержинского избирательного округа г. Москвы

Ольга Ефимовна Богачева, стахановка—депутат Совета Союза от Витебского городского избирательного округа (Белорусская ССР)

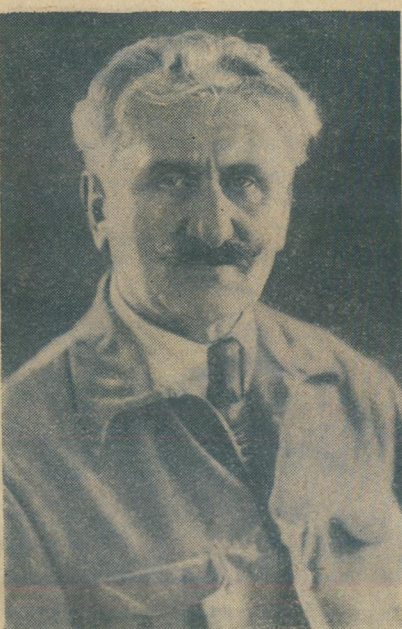
Константин Александрович Милованов, председатель Оренбургского облисполкома—депутат Совета Союза от Оренбургск. сельского избир. окр. (Оренбургская область)

Адильгирей Тахтаров, исполн. обязанности председателя ЦИК Дагестана—депутат Совета Национальностей от Махач-Калинского гор. избир. округа (Дагест. АССР)

Семен Захарович Миркин, нарком внутренних дел Северо-Осетинской АССР—депутат Совета Национальностей от Промышл. избир. округа (Сев.-Осетинская АССР)

Шалва Николаевич Дадияни, писатель—депутат Совета Союза от Тбилисского сельского избирательного округа (Грузинская ССР)

Лукерья Игнатьевна Калиниченко, стахановка—депутат Совета Союза от Харьковского—Ленинского избирательного округа (Харьковская область)

Алексей Егорович Бадаев, нарком пищевой промышленности РСФСР—депутат Совета Союза от Богучарского избирательного округа (Воронежская область)

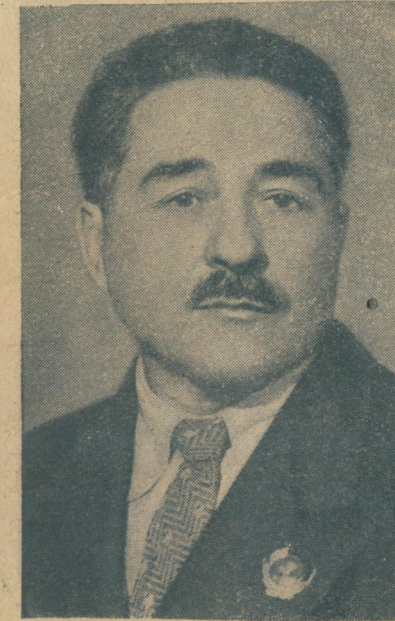
Константин Николаевич Валухин, начальник управления НКВД по Омской области—депутат Совета Союза от Тюменского избирательного округа (Омская область)

Евдокия Нестеровна Минова, колхозница—депутат Совета Национальностей от Жлобинского избирательного округа (Белорусская ССР)

Эрнст Теодорович Кренкель, радист дрейфующей станции «Северный полюс», орденноносец—депутат Совета Союза от Уфимского гор. избир. округа (Башк. АССР)

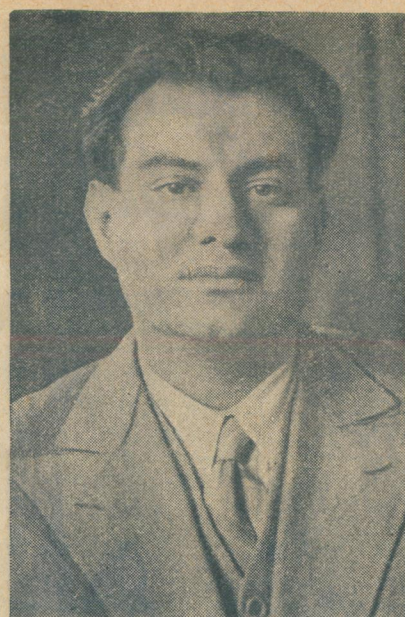
Кирилл Васильевич Сухомлин, зам. председателя Совнаркома УССР—депутат Совета Национальностей от Жмеринского избирательного округа (УССР)

Алексей Михайлович Розанов, нарком внутренних дел Чувашской АССР—депутат Совета Национальностей от Ядринского избирательного округа (Чувашская АССР)

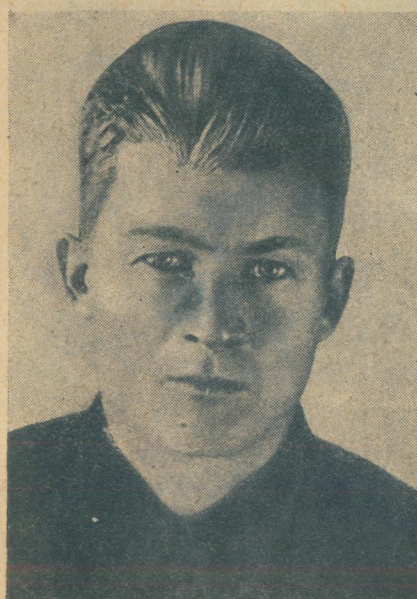
Александра Федоровна Андрейчук—колхозница-орденоносец, ныне студент с.-х. школы—депутат Совета Национальностей от Сунженск. избир. окр. (Чечено-Ингушская АССР)

Махмуд Исмаил оглы Алиев, аспирант медицинского института—депутат Совета Союза от Нахичеванского избирательного округа (Азербайджанская ССР)

Иван Иванович Гудов, стахановец-орденоносец Стаикозавода имени Орджоникидзе—депутат Совета Союза от Ленинского избирательного округа г. Москвы

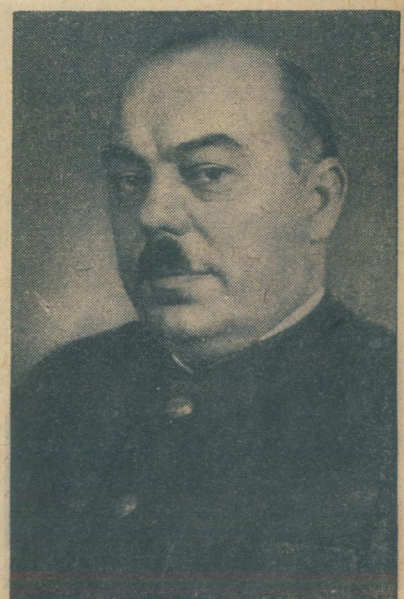
Петр Еремеевич Голещихин, председатель сельсовета—депутат Совета Союза от Томского сельского избирательного округа (Новосибирская область)

Татьяна Викторовна Федорова, бригадир Метростроя—депутат Совета Союза от Советского избирательного округа г. Москвы

Филипп Иванович Голиков, комбриг—депутат Совета Союза от Киевского сельского избирательного округа (Киевская область)

Николай Иванович Пахомов, нарком водного транспорта СССР—депутат Совета Союза от Семеновского избирательного округа (Горьковская область)

Алексей Венедиктович Бакулин, нарком путей сообщения СССР—депутат Совета Союза от Сумского избирательного округа (Харьковская область)

Конрад Генрихович Гофман, машинист-стахановец—депутат Совета Национальностей от Энгельсского городского избирательного округа (АССР немцев Поволжья)

Надежда Тимофеевна Кудрина, начальник цеха консервного завода, орденоносец—депутат Совета Союза от Тираспольского избирательного округа (Молдавская АССР)

Николай Макарович Марчак, зам. председателя Совнаркома УССР—депутат Совета Национальностей от Киевского городского избирательного округа (УССР)

Ефим Георгиевич Евдокимов, секретарь Ростовского обкома ВКП(б)—депутат Совета Союза от Ростовского—Пролетарского избир. округа (Ростовская область)

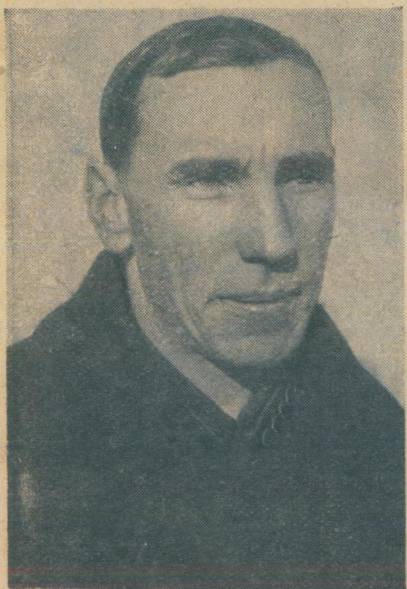
Прасковья Ильинична Голубева, стахановка-ткачиха—депутат Совета Союза от Орехово-Зуевского избирательного округа (Московская область)

Григорий Федорович Проскура, действительный член Академии наук УССР—депутат Совета Союза от Харьковского—Дзержинского избир. округа (Харьковская область)

Максим Антонович Антониук, командующий войсками Сибирского военного округа—депутат Совета Национальностей от Новосибирско-Алтайского избир. округа (РСФСР)

Григорий Георгиевич Кузнецов, машинист-инструктор депо Омск—депутат Совета Союза от Ишимского избирательного округа (Омская область)

Максим Федорович Сорокин, секретарь Дагестанского обкома ВКП(б)—депутат Совета Союза от Махач-Калинского избирательного округа (Дагестанская АССР)

Анатолий Васильевич Ляпидевский, герой Советского Союза—депутат Совета Национальностей от Прохладненского избирательного округа (Кабардино-Балкарская АССР)

Кирилл Потапович Власенко, зам. председателя колхоза—депутат Совета Национальностей от Витебского сельского избир. округа (Белорусская ССР)

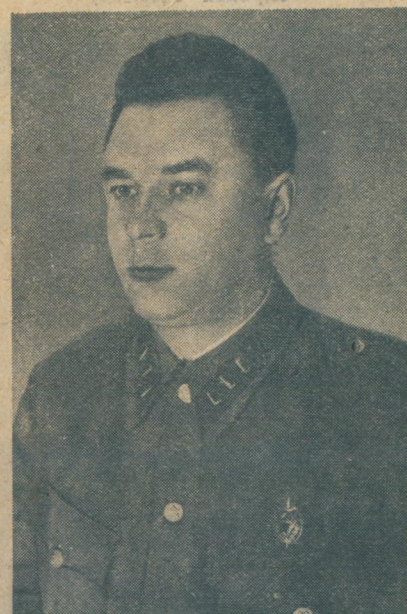
Федор Филиппович Бакалдин, пред. ЦК союза нефтяников восточных районов—депутат Совета Национальностей от Стерлитамакского избир. округа (Башк. АССР)

Петр Дмитриевич Краснов, зам. председателя Совнаркома Чувашии—депутат Совета Национальностей от Цивильского избирательного округа (Чувашская АССР)

Мария Ивановна Кострюкова, председатель колхоза—депутат Совета Союза от Сталиногорского сельского избирательного округа (Тульская область)

Александр Александрович Медведев, нарком внутренних дел Башкирской АССР—депутат Совета Союза от Туймазинского избир. округа (Башк. АССР)

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

Партия и Ленин —
близнецы братья, —
Кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем — партия,
Мы говорим — партия,
подразумеваем — Ленин.
Вл. МАЯКОВСКИЙ

И детям, и внукам, и правнукам враз.
Как старший в роду, я оставлю наказ:
Учитесь у мудрого Ленина жить,
Народ до последнего вздоха любить.
Умейте все мысли и чувства собрать,
Умейте все силы и волю отдать
Тому, кого Ленин, как друга ценил,
Тому, кого Ленин, как брата любил.
Тому, кого Сталиным мир весь зовет,
В ком солнечный ленинский гений
живет!..
ДЖАМБУЛ
Народный певец Казахстана

В. И. Ленин. Снимок сделан 22 апреля 1920 года в день пятидесятилетия Владимира Ильича

Посмотрите, веселые люди,
Ясли, трактор, колхозный гурт.
Это значит, что он не умер,
Это значит, что жив Ильич!

Из ойротской народной песни

Пусть блекнут звезды, лишь расцвет
восток,

Пусть, чуя осень, морщится цветок,
Да, пусть всему ползжен в мире срок,
Но Ленин жив и вечно будет жив!

Из осетинской народной песни

Вождь Ленин, покидая свет,
Давал заветы, Дагестан.
И Сталин клятвой дал обет
Исполнить волю, Дагестан.
Заветам Ленина верны
Его великих дел сыны,
Победной поступью страны
Их утверждают, Дагестан.
Тебя, Ильич, с живыми нет,
Но партия хранит завет,
Она идет путем побед
К социализму, Дагестан.
Со всей страной труды деля,
Великий Сталин у руля
Курс ленинского корабля
Надежно держит, Дагестан!

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ

Хвала и честь! Хвала большевикам!
Твоим товарищам, твоим ученикам!
Твоим народам и твоим войскам!
Мы, люди гор, поем тебе привет,
Великий Ленин, равный облакам!
Хвала и честь! Хвала тебе стократ,
Делам и государству твоему!
Великий Ленин, ты наш вождь и брат,
Ты основал Советскую страну!

Из таджикской народной песни

Из России прибыл вестник
И сказал, что умер Ленин.
Будто гром раздался с неба,
Подкосились колени.
Ветер взвихрился холодный,
Листья падали в смятении.
Умер Ленин. И деревья
Опустились на колени.
Умер Ленин. Смолкли птицы,
И не слышно стало пенья.
Но не верю я, не верю,
Чтобы умер мудрый Ленин!

Грузинская народная песня

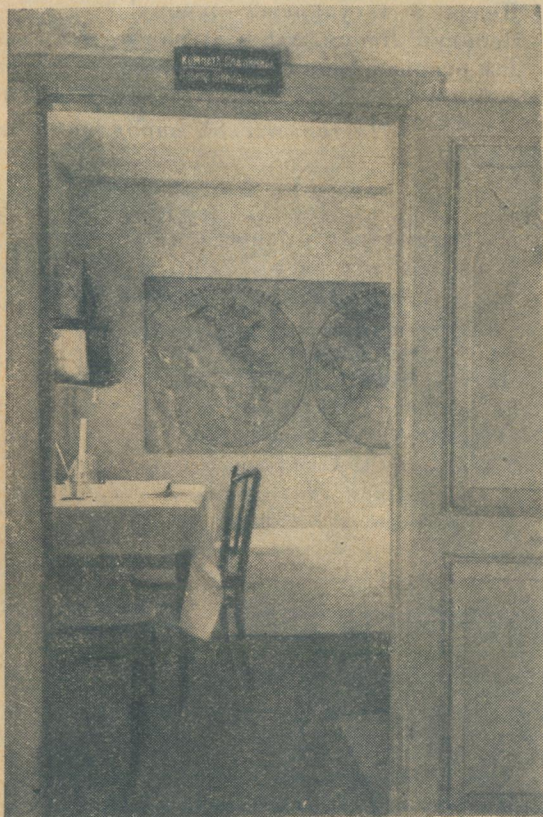
Если б стала я да ясным соколом,
Превратилась бы да в сиза голуби
Али в ласточку во быструю,
Полетела б я прямехонько,
До Москвы бы долетела я,
До Кремля стены, до каменной,
К мавзолею опустилася,

Ко Владимиру ко Ленину.
 Я б ему сказала: «Солнце ясное,
 Посмотри кругом, порадуйся,
 Как все в жизни изменилось.
 Вон сады цветут — колхозные,
 Вон поля цветут — колхозные,
 Как светло-светло нам жить становится!
 Наши дети в школах учатся,
 В небе наши парни-соколы,
 Наши девки водят тракторы,
 И живем мы домом — полной чашею,
 И в руках у нас работа спорится,
 И в сердцах у нас любовь горит
 За твою борьбу, за подвиги.
 Ты для нас работал, рук не кладучи,
 Ума-разума большого не жалеючи,
 Ты сгорел за нас костром-попымем,
 Все, что думалось тобою, все исполнилось!
 По твоим заветам-завещанью
 Нас ведет ко счастью Сталин наш.
 От орлов орлята нарождаются,
 У соколов — полеты соколиные,
 Океан да с океаном — братья кровные,
 Сталин Ленину да кровный брат
 По работе, по размаху орлиному,
 По полету, по простору соколиному.
 Мы идем со Сталиным, как с Лениным,
 Говорим со Сталиным, как с Лениным,
 Знает все он наши думки-думушки,
 Всю жизнь свою о нас заботится...

Сложила сказительница Т. ДОЛГУШЕВА

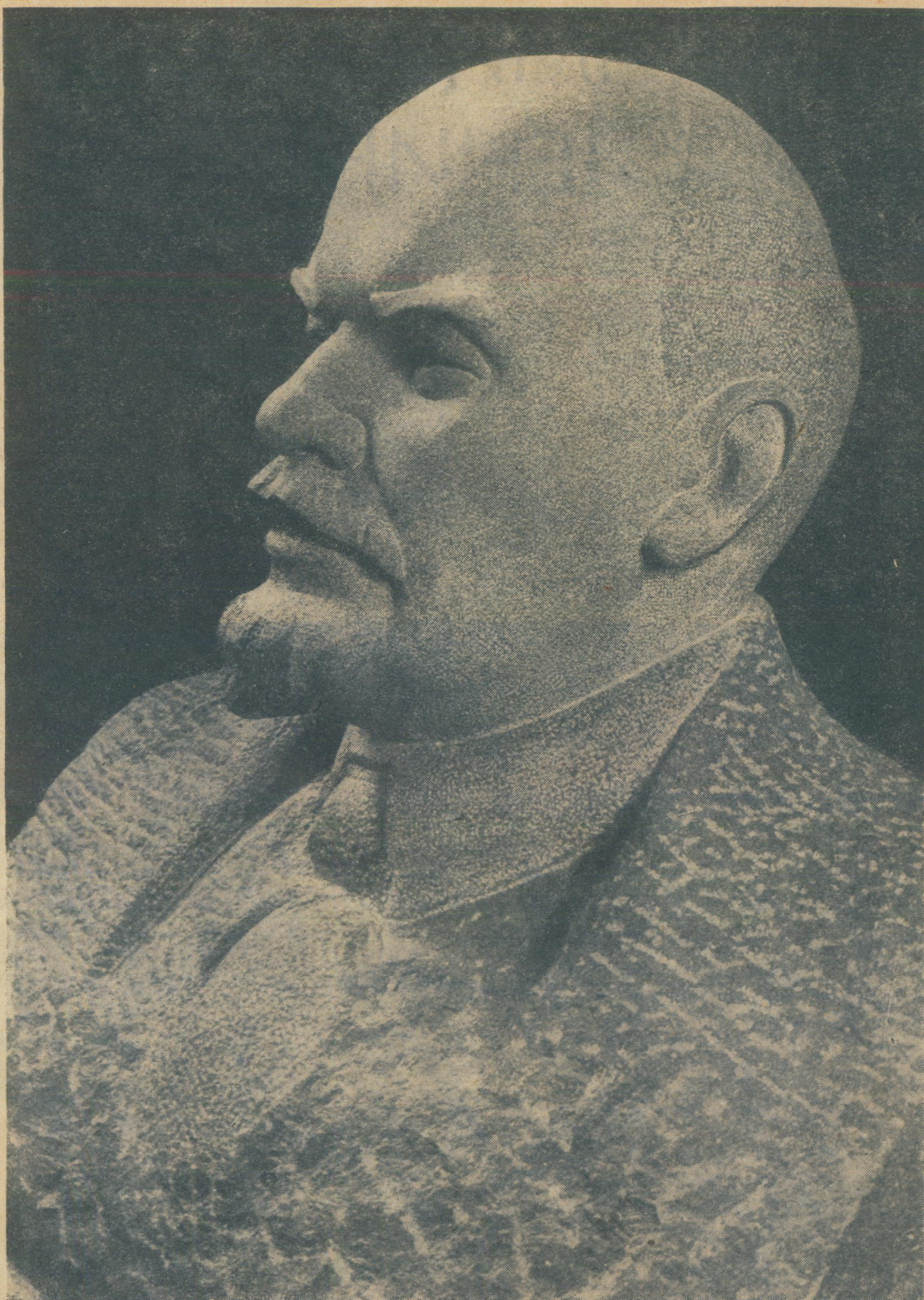
То не галки черной стаей
 Над землею кричат,
 То народы всего света
 По Ленину плачут.
 Полно, полно плакать, братцы,
 Плачем друга не вернем,
 А храня его заветы,
 Мы вовек не пропадем.
 Не забудем тебя, батько,
 Во веки-веков,
 Что всем сердцем заступился
 За нас, бедняков!

Из украинской народной песни

Комната Владимира Ильича (Дом-музей В. И. Ленина в Казани)

Фото И. Папеова (Союзфото)

В. И. Ленин. Работа скульптора Г. Нерода

Мир и хвала тебе, кого чтит бедняк:
 Мир и хвала тебе, кого чтит народ!
 Мир и хвала тебе, кого чтит весь мир!
 Мир тебе, хвала тебе, Ленин!

Из армянской народной песни

Если даже увянет душистый цветок.
 На земле аромат его останется.
 Умер товарищ Ленин,
 Имя его навеки на земле останется.
 Товарищ Ленин умер,
 Имя и слава его остались;
 Чтобы дальше бороться,
 Ленина верная партия осталась.
 Товарищ Ленин умер,
 Великое слово его осталось,
 Чтобы дальше побеждать,
 Сталин, верный товарищ Ленина, остался.

Песни горных шорцев

АДЫГЕЙСКАЯ ПЕСНЯ О ВЕЛИКОМ ЛЕНИНЕ

Ленин,
 Как вырос,
 Взялся за учебу,
 Усевшись в науки седло.
 От поколений прошедших
 Лучшее взял,
 Сердцем понял Россию
 И советскую власть
 Установил.
 Всем,
 Кто лишился
 Плодов своих рук,
 Он сказал:
 «Гей, восстаньте!»
 В ответ поднялись бедняки:

«Как до сих пор
На свете мы жили?
Много мы сеяли проса,
Но его пожирала другие.
На шее бесправных сидели князья,
Кожу сдирая с тех, кто трудился.
Злой пожар разметав,
Невиданным морем
Хлынули мы на врагов, —
И была справедливой расплата»...
Поднявшись на крепкие ноги,
Волновалась большая Россия,
Плакало небо,
И море свой цвет изменило тогда.
Музыкантов руки дрожали.
Ленин великий
Оставил жизнь.
Слава о нем
Вечно будет греметь!..

Перевод Александра ЧАЧИКОВА

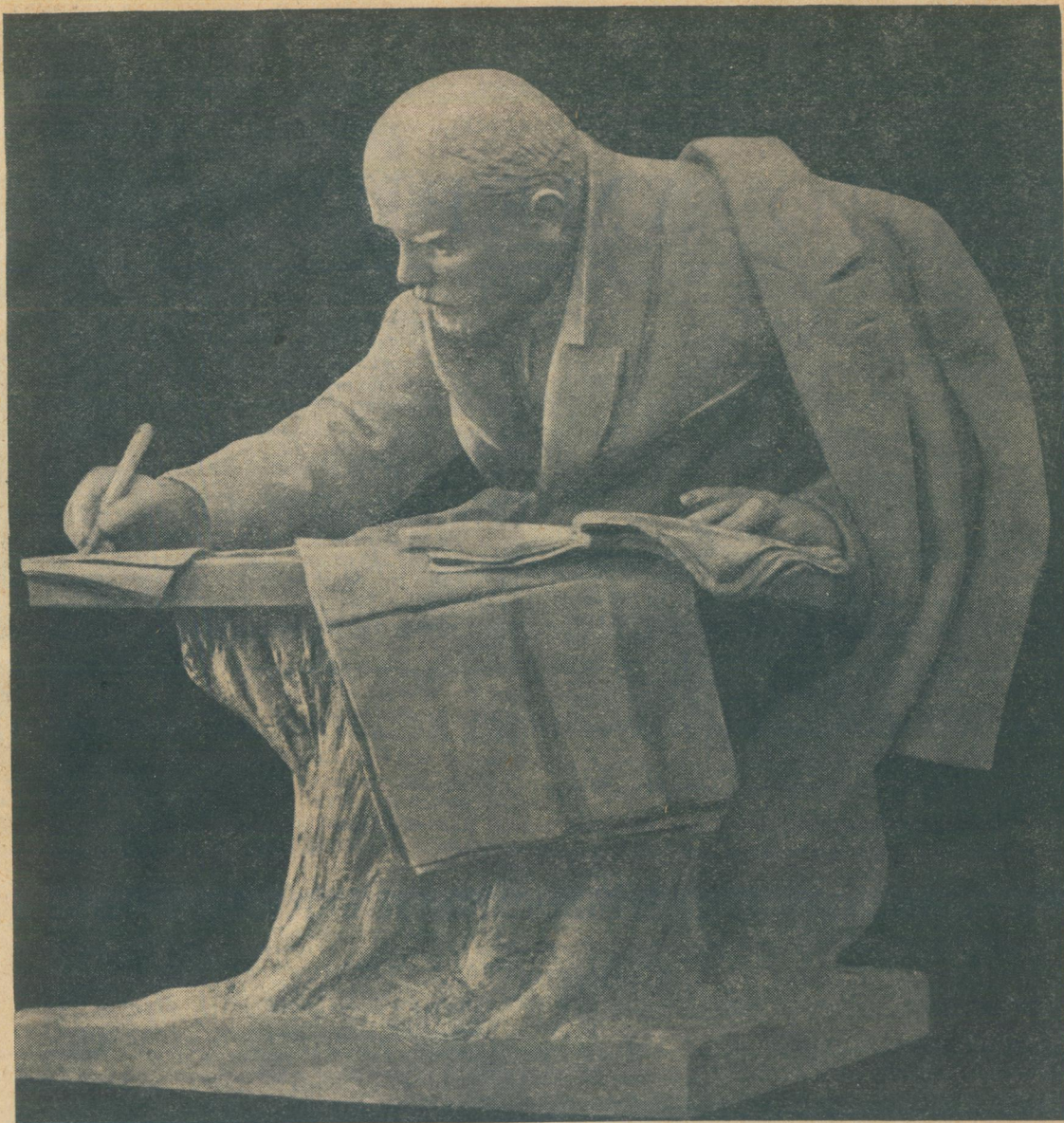
ПАМЯТНИК ЛЕНИНУ

В электровзвездах светлеет утро.
Падает снег белый, белый.
И, паром окутанны перламутровым,
Черные краны вздымают стрелы.

Внизу, лица задвинув железом,
Сварщики тень отбросили заревом,
А клоч электричества голубым лез,
Арматуры стальные сваривая.

Вызывавая остриями топоров,
Плотники, подняв стропил леса,
Набивали доски по отвесу ровно
У опор объемом колоссальных.

И рядом в фиолетовой заре,
Пневматический сжав молот,
Заклепки ослепительнее золота
Вбивает группа слесарей.

Ленин в Разливе. Работа скульптора В. Пинчука

Центральный музей В. И. Ленина

Дом, в котором с сентября 1888 года по май 1889 года жила семья Ульяновых
(Дом-музей В. И. Ленина в Казани)

Фото И. Папкова (Союзфото)

А выше стрел,
Сквозь синеву рассвета,
Созвездие кремлевское блестит
Нам вручено как честь, как дело доблести
Строительство Дворца советов.

И день придет чистейшего восторга,
Хрустальных волн лучистого игранья —
Оденут берег мраморные грани,
Мостами охватив простор.

Дворец из ярких и нежных мраморов.
Подымется в небо, необозримый.
И у колонн, из хрусталя высеченных,
Племен и народов непоколебимых
Соберутся под своды тысячи
Услышать вожда любимого.

Оркестры гимны торжественно грянут
И под разноязычные клики
На трибуну мраморно-багряную
Подымется вождь великий.
И мудрым словом обласкает Сталин
В знакомой фуражке и гимнастерке.

А в вышине гигант из стали
Над миром могучую руку простер.
Ленин — великий. Ленин.

Николай ОЛИФЕР

(электромастер основной площадки строительства Дворца Советов),

ПО АМЕРИКЕ

Записки из дневника

НА «ДУГЛАСЕ»

Моторы уже работали, когда мы подкатили к блестящему трапу, подставленному к открытой двери пассажирского «Дугласа».

Прощаемся с нашими новыми знакомыми, среди которых генерал Маршал и представители власти Ванкувера.

— Пожалуйста, передайте генералу от нашего имени благодарность за гостеприимство, — обращается Чкалов к Трояновскому. — Мы просим оставленное в его квартире наше имущество переправить в Вашингтон.

Полпред передал и перевел ответ генерала: — Генерал Маршал с большой готовностью сделает это и со своей стороны передает просьбу магазина, который присылал для вас костюмы. Магазин просит разрешения выставить в витрине кожаные брюки и куртки, в которых вы летели через Северный полюс.

— Согласны, — засмеялся Чкалов.

Невольно наблюдаю я за тем, как летчики «Дугласа», держа самолет на тормозах, пробуют каждый мотор по очереди, давая полный газ. Несомненно, мотор и тормозы были опробованы раньше, но пилоты считают нужным еще раз проверить их работу перед самым вылетом. На американских воздушных линиях принимаются все меры, чтобы обеспечить безопасность полета.

Пора садиться. Входим в комфортабельную кабину с двенадцатью мягкими креслами. У кресел — откидные спинки и можно занять полулежащее положение.

Корреспонденты крупных американских газет, наконец-то дождавшись удобного времени, окружили Чкалова.

Мы с Байдуковым заняты осмотром самолета. Нам хочется использовать полет для изучения американской авиационной техники, хочется разобраться в оборудовании трассы, понять, какая же разница между американскими самолетами и советскими. Может быть, американские самолеты имеют преимущества, и если имеют, то нельзя ли что-либо позаимствовать?

Мы садимся на передние кресла, ближе к кабине летчиков. Они не возражают против этого, — даже будут рады, если мы во время полета войдем в пилотскую кабину, познакомимся с ее оборудованием и управлением.

Погода неважная. Облака 8—10 баллов. Первую половину пути придется идти в облаках или над облаками. Местность гористая. Отдельные вершины достигают четырех с половиной километров.

Осматриваю пассажирскую кабину. Высоко качество ее отделки. Система для поддержания внутри кабины нормальной температуры

очень рациональна. Где бы самолет ни находился — на большой ли высоте или на малой — достаточно поставить стрелку на желаемую температуру, и автомат будет ее поддерживать во время всего полета.

По ассоциации я начинаю думать о будущем самолете, предназначенном для полетов через Арктику. Может быть, скоро будут изобретены автоматы для поддержания давления и нужного состава воздуха. Отсюда — один шаг к созданию герметической кабины.

Я замечтался и не заметил, как наш самолет быстро набрал высоту и залез в облака. В окна облаков мы любуемся величественной панорамой гор. Их вершины покрыты снегом. Смотрю то на карту, то на землю. По мелькающим дорогам и населенным пунктам убеждаюсь, что самолет идет точно по воздушной трассе, со скоростью около 300 километров в час.

За нами ухаживает стюаресса — девушка в берете и сером костюме. Она предлагает нам горячую пищу. Может быть, пассажиры хотят мороженого, фруктов, холодной воды? Тогда она откроет холодильник. Эта же девушка «заведует» и воздухом. Не слишком ли жарко в кабине? Может быть, кому-нибудь из пассажиров прохладно? Она может поставить стрелку автомата на желаемую температуру.

Иногда стюаресса берет в руки салфетку и отгоняет мух.

В американских конторах, залах, кафетериях мы ни разу не видели мух. Е самолетах, на большой высоте, как это ни странно, мух много.

Но вот уже добрая половина дороги позади. Облака редуют. Мы с Байдуковым отправляемся по очереди в кабину летчиков. Летчики одеты по-домашнему. На них брюки и сорочки с галстуком. Шлемы и комбинезоны им не нужны. Кабина закрытая, отапливается, в ней очень чисто — испачкаться невозможно. Как просто, безопасно и приятно летать на пассажирских самолетах.

Один из летчиков любезно уступает мне место, предупреждая, что автопилот включен. Он показывает кнопки, рычажки... Большинство приборов мне знакомо.

Прошу летчика выключить автопилот и пробую управлять самолетом. Он очень устойчив и послушен.

Я веду самолет по направлению к горе Шаста, высотой в 4800 метров. Это самая высокая гора в районе. Несколько минут назад один инженер мне рассказывал, что название этой горы произошло от русского слова «счастье», — здесь много русских поселенцев. Но американцам трудно произнести слово «счастье», как, например, и слово «ши», которое они произносят «ши». Поэтому американцы гору «Счастье» переименовали в «Шаста». Величавая снежная ее вершина сияет в голубом небе.

Я знаю, что у подножья горы расположен радиомаяк. Прошу летчика показать, как им пользоваться. Пилот потрогал где-то у потолка кабины ручку, и я явственно услышал в наушниках ровное гудение, прерываемое через каждые тридцать секунд позывными. Это означало, что я вел самолет точно по курсу.

Я намеренно уклоняюсь от курса — и тогда начинают слышаться то буква «А», то буква «Н».

Быстро проплывает мимо «Дугласа» гора Шаста, и за ней открывается обширная зеленая долина. Уступаю место Байдукову. Он проделывает то же самое, что и я.

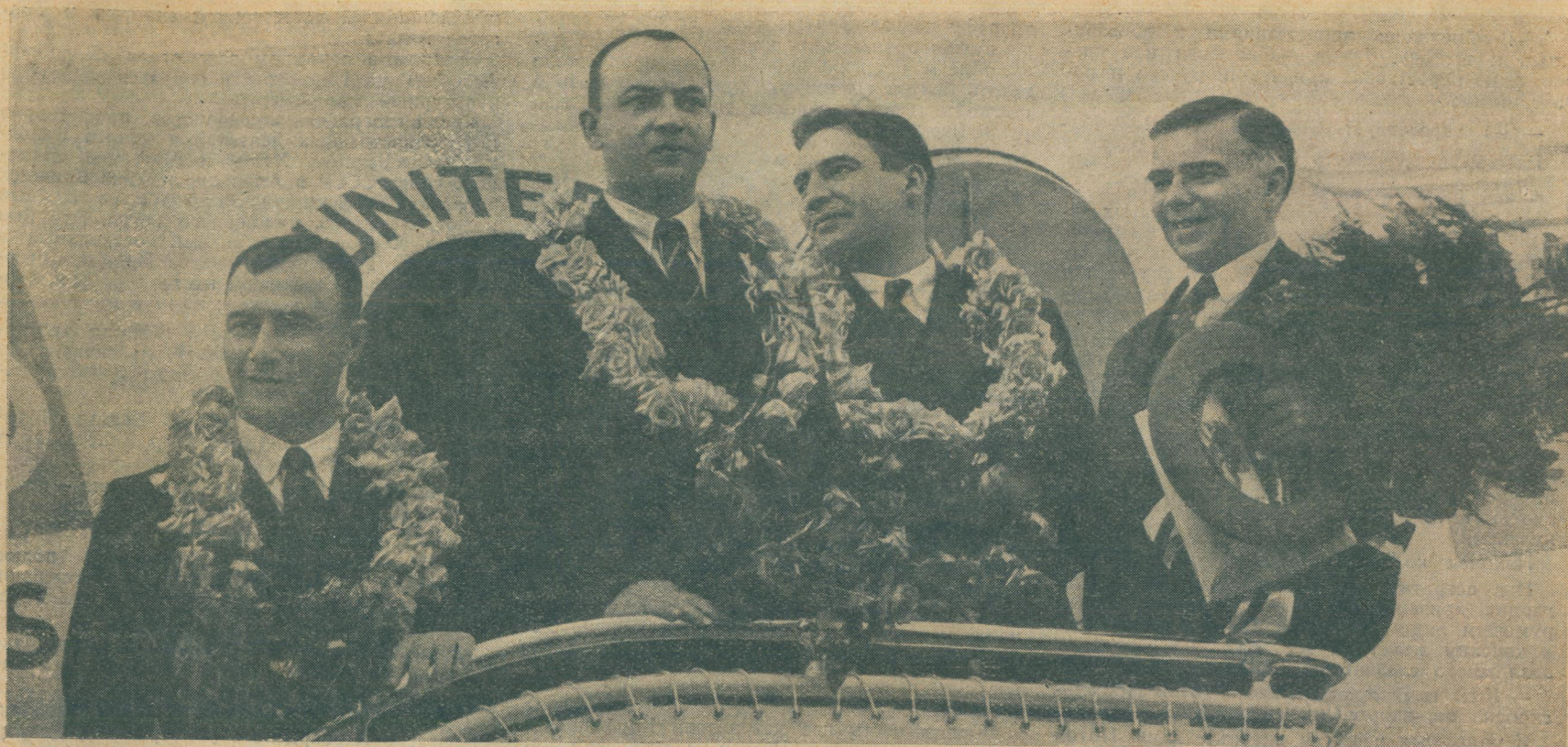
На горизонте смутно вырисовываются два больших южных города — Сан-Франциско и Оклэнд. От них совсем недалеко до солнечной Калифорнии с ее безоблачным небом. Вот города все ближе, ближе... С воздуха я люблю широкий заливом, глубоко вдающимся в материк. Уже хорошо видны тихоокеанские пароходы и два огромных висячих моста, перекинутые через залив.

— Где мы совершим посадку?

— В Оклэнде, — отвечает нам полпред и рассказывает маленькую историю. — Между городами Сан-Франциско и Оклэндом шел спор, кому принять самолет. Власть Сан-Франциско настаивали на том, чтобы самолет «Дуглас» обязательно сел на их аэродроме. Спор решила авиационная компания, которой при-

Самолет героев Советского Союза гг. Чкалова, Белякова и Байдукова на аэродроме в Ванкувере.

Герои Советского Союза В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков и А. В. Беляков на тране пассажирского самолета «Дуглас», на котором они прилетели из Ванкувера в Окленд

надлежали самолет и воздушная линия, в пользу Окленда.

Перед входом в залив мы оказались в облаках. Они нависли низко над землей и водой — не выше ста метров. Я вспомнил, что в этом районе из-за близости океана часто бывают туманы и низкая облачность. В случае невозможности посадки самолеты летят дальше, до города Сакраменто.

Но сегодня тумана нет, и наши пилоты, искусно лавируя между возвышенностями, ведут самолет на посадку.

Мелькают бетонированные полосы аэродрома. «Дуглас» уже катится по земле и быстро подруливает к аэровокзалу.

Еще из окна кабины я видел вереницы автомобилей и толпы людей перед воротами аэродрома. Но то, что мы увидели и услышали на земле, превзошло все наши ожидания.

Огромная толпа лавиной двинулась вперед в ту минуту, когда мы спускались по трапу. На нас были надеты те самые венки из роз, которые нам преподнесли в Портленде. Вид наш привлек американцев в неистовый восторг. Они начали бросать в воздух шляпы, кепи и выкрикивать слова приветствий.

Оказывается, в Окленде был организован комитет по встрече нас, советских летчиков. В комитет входили городские, районные должностные лица, представители Торговой палаты и американские коммунисты. В аэропорте, ярко освещенные солнцем, развевались флаги Советского союза и Соединенных штатов Америки. Нам вновь преподнесли венки и букеты из пунцовых роз. Навстречу шли представители коммунистической партии Калифорнии. На одном из знамен было написано: «Коммунистическая партия Калифорнии приветствует героических советских летчиков за их выдающиеся социалистические достижения».

Мы вошли на трибуну, и вновь приветственные крики огласили поле. В одно мгновение кто-то укрепил микрофон. Начался митинг.

ВАШИНГТОН

Наступил день 28 июня. Я долго не забуду его. Советское полпредство устроило грандиозный прием в честь первого беспосадочно-го полета из Москвы в Америку.

В здание полпредства на 16-й Стрит были приглашены свыше восьмисот человек. Среди них были государственные и общественные деятели, ученые, члены Конгресса, представи-

тели различных партий, газет, предприятий и департаментов.

Мужчины и дамы, одетые в вечерние туалеты, поднимались из вестибюля по широкой лестнице.

Чкалов, Байдуков и я стояли на мраморной площадке при входе в зал. Полпред представлял нас гостям. Каждый из нас должен был пожать восемьсот рук, приветствуя входящих, и сделать не менее двухсот рукопожатий при прощании.

Первые рукопожатия напоминали мне какую-то игру. Но когда я пожал четыреста рук, то почувствовал усталость.

Гости, поздравившись с нами, проходили в зал и приступали к ужину, а мы продолжали стоять на одном месте, не меняя позы. Часы шли томительно медленно.

Я уже простоял не менее трех часов, а конца людского потока еще не было видно. Руки тянулись. На лбу Валерия выступила легкая испарина. Он, как и я с Байдуковым, не сдавался и продолжал пожимать руки.

Наконец все гости вошли. Я уже разделывался с последним десятком рук, как начался разъезд. Из зала нескончаемой вереницей начали выходить гости. Каждый из них считал нужным подойти к нам и, сделав веселую мину, пожать еще раз на прощание наши руки.

Когда вся церемония закончилась и вестибюль опустел, Валерий вытер платком пот со лба и сказал, облегченно вздохнув:

— Ну, а теперь пойдем в зал и выпьем за здоровье ушедших. Есть хочется, ребята!

29 июня мы посетили министра торговли Роппера, которому подчиняется американская гражданская авиация.

Министр торговли интересовался, что же именно нужно сделать для того, чтобы практически осуществить воздушное сообщение между СССР и Америкой через Арктику.

— Нужно произвести изыскания трассы, — сказал Чкалов, — оборудовать ее радиостанциями, световыми и радиомаяками; в районе островов архипелага Парри надо построить сухопутные и водные аэродромы.

— Да... — согласился мистер Роппер. — Со стороны Америки еще мало сделано для освоения этих островов.

Отдав визит министру торговли, мы с Георгием Филипповичем поехали в Конгресс —

американский парламент, в котором обсуждаются законы.

В момент нашего приезда в зале под большим куполом происходило заседание. Обсуждался законопроект о помощи фермерам.

Байдукова и меня провели на верхние места, откуда можно было видеть весь зал заседания и слышать речи.

Председательствующий на Конгрессе, узнав о нашем присутствии, счел уместным выйти из зала заседания и пожать нам руки.

Приближался час отъезда в Нью-Йорк. Последний вечер мы решили провести в советской колонии, за городом.

В небольшой даче, где живут советские работники, мы пели под аккомпанемент рояля, ели настоящий русский обед, много шутили и смеялись.

Перед тем, как нам уезжать, хозяин дачи установил в комнате экран, потушил свет и показал гостям узкоплечный цветной фильм, заснятый им самим в первые дни нашего пребывания на американской земле.

На экране мы увидели лесную опушку, на которой давал парад генерал Маршал, его пушку с девятнадцатью дымными выстрелами. Шествие с венками роз вокруг квартала в Портленде, полет на «Дугласе» и поездку по висячему мосту из Окленда в Сан-Франциско.

НЬЮ-ЙОРК

И вот мы опять покачиваемся на пружинных креслах в прохладном купе металлического «тульмана». Экспресс несется со средней скоростью сто километров в час.

Еще два-три часа езды, и мы увидим гигантское скопище небоскребов, островов, пригородов, людей, автомобилей и судов — самый большой город мира — Нью-Йорк.

В два часа дня 30 июня экспресс остановился в туннеле Пенсильванского вокзала.

Не успели мы сойти с подножки вагона, как к нам подошли члены советской колонии. Вокруг я увидел многотысячную толпу.

На перроне я сразу узнал знаменитого популярного исследователя доктора Вильямура Стифансона. Его лицо я видел неоднократно на портретах.

Мы обменялись приветствиями и направились к выходу. Толпа, забрасывая нас цветами, не переставала кричать по-русски и по-английски:

— Да здравствует Советский союз!

Где-то раскатывалось эхом:

— Да здравствуют советские орлы!

Нас заставили сесть на спинки открытых автомобилей. Шоферы резко тронули машины с места. И мы, сопровождаемые эскортом полисменов и пронзительным воем сирен, поехали вихрем по улицам Нью-Йорка к мэру города.

Сан-Франциско, Чикаго и Вашингтон подготовили нас к Нью-Йорку. В первые минуты этот город меня не ошеломил. Но несколько времени спустя я увидел, как грандиозен этот каменный великан.

Колонна наших автомобилей продолжала мчаться. Услышав вой сирен, люди выбегали из домов и магазинов. Пешеходы кричали вдогонку. Многие поднимали руки с сжатыми кулаками.

Наконец колонна подъехала к Сити-Голл.

Нас встретил мэр Нью-Йорка, мистер Лагардия, приземистый человек с полнокровным румяным лицом. Когда-то Лагардия был американским консулом на Балканах, поэтому знал много славянских и русских слов.

— Как вам нравится село Нью-Йорк? — спросил он, здороваясь со мной.

Я поделился первыми впечатлениями. Потом Лагардия попросил нас троих сфотографироваться вместе с ним. В Америке отказать фо-

тографу нельзя. Больше того: во время съемки нужно обязательно принять нарочитую позу. Мне и Георгию Филипповичу предложили встать боком, повернуть головы и смотреть в фотообъектив. Валерий в позе крепко жал руку мэру.

●

Отдав официальный визит городским властям, мы поехали в советское консульство, помещавшееся в небольшом четырехэтажном особняке на Сиксти-Уан-Стрит. Эта тихая улица с небольшим количеством магазинов выходит в центральный парк.

Георгий Филиппович и я не замедлили этот парк осмотреть.

День был жаркий. По дороге в парк мы сняли пиджаки.

В Америке можно ходить по улицам без пиджака. Но войти, например, в магазин, не надев пиджака, считается плохим тоном.

В парке мы долго бродили по дорожкам и висячим мостикам, осмотрели зверинец, полюбовались озером. На траве под деревьями лежали отдыхающие. В Нью-Йорке в сильную жару разрешается даже спать в парке, под открытым небом.

Так незаметно мы обошли холмистую местность и вернулись в консульство. Решено было отдохнуть перед обедом.

●

Обед в честь нас устраивали Клуб полярных исследователей, Русско-американский институт культурной связи, Географическое об-

щество, Музей естественной истории и Торговая палата.

Вечером в огромном зале отеля «Валдорф-Астория» на Перк-Эвеноу собрался ученый и культурный мир Америки.

Среди географов, журналистов, профессоров и государственных деятелей я увидел Вильяма Стифансона, Хэтти и Маттерна, летавших через СССР в Америку, летчика Кениона, участника экспедиции Эльсворта на Южный полюс, и седого, худощавого негра. Это был Матью Хенсон, единственный оставшийся в живых из экспедиции Роберта Пири к Северному полюсу. Стифансон настоял на том, чтобы Хенсон сидел вместе с нами в президиуме.

Начались речи. Стифансон говорил от своего имени и от имени людей, приславших со всех концов Америки и Европы приветственные телеграммы.

Нас поздравляли с победой Чарльз Линдберг, адмирал Бэрд, губернатор Канады лорд Твитсмур, дочь Роберта Пири.

«Мой отец, — телеграфировала она, — предсказывал, что Северный полюс будет завоеван авиацией, и это осуществилось».

Провозглашал тост за Северный полюс тостмейстер Томас. Американцы приглашают иногда на банкеты специального тостмейстера.

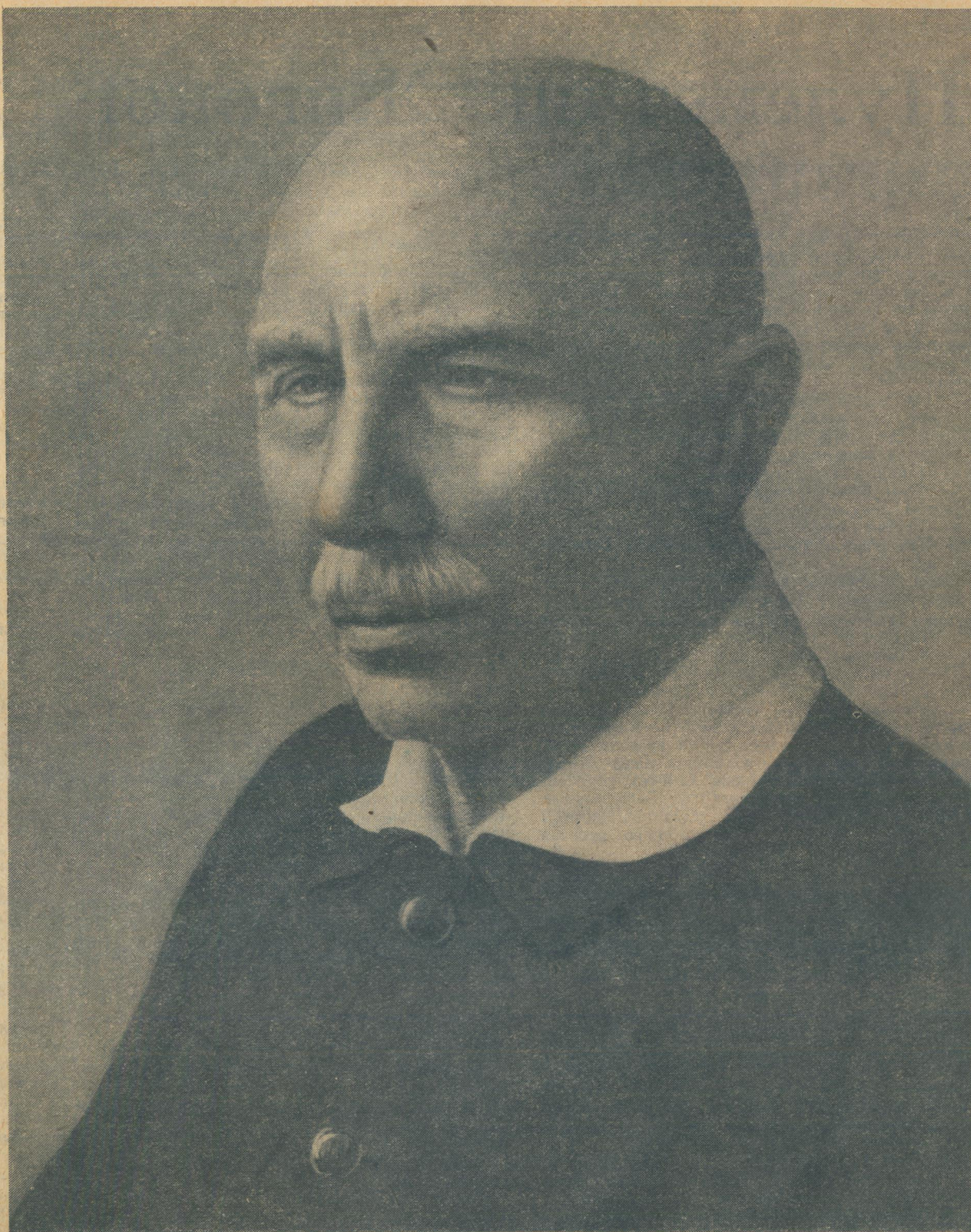
Потом нас поздравлял с победой от имени канадского посла в Вашингтоне Рональд МакДонель. Он выразил удовлетворение, что Канада оказала нам помощь при перелете.

Но особенно хорошо сказал один старичок, профессор Харвардского университета, доктор Хоппер.

Жители американских городов горячо встречали героев-летчиков. Кинооператоры и фотографы следовали за ними неотступно

75 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ А. С. СЕРАФИМОВИЧА

19 января исполнилось семьдесят пять лет со дня рождения талантливого советского писателя Александра Серафимовича Серафимовича.

Редакция журнала «Огонек», горячо приветствуя славного юбиляра, автора книг, ставших любимыми в широких массах советских читателей, желает ему еще много лет здравствовать на пользу нашей великой родины и своим пером способствовать дальнейшему расцвету советской литературы.

— Революция в России вызвала новые силы для покорения природы, — сказал Хоппер.

Председательствующий объявил, что говорить будет Валерий Павлович Чкалов. Гости поднялись с мест и устроили овацию. Отскакивая каждое слово, Валерий говорил о своей родине:

— Совершая полет из Москвы через Северный полюс в вашу страну, мы на крыльях нашего самолета несli привет 170 миллионов нашего народа великому американскому народу. В моей стране, — продолжал Чкалов, — поют песню: «Как невесту, родину мы любим, бережем, как ласковую мать». Садясь в самолет, мы, три человека, несли в своих сердцах 170 миллионов сердец, и никакие циклоны и обледенения не могли нас остановить, ибо мы выполняли волю своего народа. Примите от 170 миллионов советского народа привет и дружбу, которые мы вам принесли на своих крыльях.

Зал загремел от рукоплесканий. Очередь дошла до меня. Свою речь я закончил так:

— Советские летчики прорубили окно из Европы в Америку, и мы уверены, что это послужит к еще большему развитию связи между СССР и США.

Обед уже подходил к концу, когда меня попросили изобразить маршрут полета из Москвы в Америку на большой географической карте Северного полушария. Эта карта была укреплена позади нашего стола. На ней были изображены Москва и Ванкувер.

Мне подали лесенку, я поднялся на верхнюю ступеньку. В зале наступила напряженная тишина. Эта тишина длилась несколько минут, пока я проводил красным мелом черту от Москвы до Ванкувера. У конца красной черты я поставил число и час посадки самолета и все мы трое расписались.

Не успели мы отойти от карты, как нас окружили со всех сторон гости. Замелькали блок-ноты, вечные ручки, поднялся шум — мы занялись знакомым делом: писанием сотен автографов для гостеприимных американцев.

Когда мы делали последние подписи, к нам подошел Стифансон и попросил на несколько минут задержаться в зале. По его распоряжению принесли небольшой глобус. На нем были проведены собственноручно маршруты: Пири, Вилли Поста, Амундсена, Линдберга, Стифансона, Бэрда, Хэтти, Вилкинса, Кларенса, Чемберлина, Амелии Эрхарт и других лиц, которые совершили большие путешествия или открытия. Над полосками маршрутов стояли личные подписи исследователей и летчиков.

Чкалову, Байдукову и мне предоставили также почетное право изобразить на глобусе наш маршрут и написать свои фамилии.

В советское консульство мы вернулись поздно. Там нас уже ждал наш соотечественник, корреспондент «Правды». Он приехал из Парижа и привез газеты «Правду» и «Известия» с первыми сообщениями о нашем полете. После долгого перерыва мы впервые читали родные газеты.

Пулеметчик Живоног

В отряд Щорса приходило немало бывших солдат-фронтовиков. Их можно было сразу узнать по старым пожелтевшим папахам, по шинелям со следами оборванных погонов, по флягам и котелкам. Некоторые приходили с винтовками. Один молодой, лет двадцати, прикатил даже станковый пулемет. Явившись, он взял под козырек и отrapпоровал:

— На волне мировой революции прибыл в ваше распоряжение. Пулеметчик Живоног. Прошу зачислить в партию большевиков.

Щорс улыбнувшись спросил:

— В каком полку служил?

— 275-м Красносельском, запасном. Бывший рядовой девятой роты.

— Отличия имел?

— Так точно, товарищ командир. Бит по морде!

Дней за десять в отряд вступило около трехсот человек. Щорс несколько раз провел с ними строевые занятия, а потом, погрузив все имущество отряда в эшелон, двинулся в Новозыбков.

Перед отправлением вагоны облепили женщины. Пришли проститься с бойцами их жены, невесты, матери, сестры. Щорс вызвал гармонистов и велел им играть веселые песни и танцы. На платформе, сырой еще от только-что сошедшего снега, бойцы лихо отплясывали украинского гопака, чечетку, московскую «барыню», камаринского. Заплаканные женщины, вытирая слезы, одна за другой пускались в пляс. В разгар общего веселья был дан сигнал к отправке.

Когда отряд прибыл в Новозыбков, все запасные пути этой станции были уже забиты товарными составами с имуществом, эвакуированным из Украины. Немцы занимали уже Гомель и двинулись на Новозыбков вдоль железной дороги.

Большинство украинских партизанских отрядов вело с оккупантами так называемую эшелонную войну. Под натиском немецких войск они отступали по железным дорогам скачками. Задержат врага некоторое время на одном рубеже, потом садятся в вагоны и отступают до следующего рубежа.

Эта тактика партизанских отрядов позволяла немецкому командованию не развешивать своих войск, не распылять их на широкой территории с враждебным населением.

Щорс же решил действовать в лесах, где немцам труднее будет использовать преимущество своей техники и боевой выучки, где опасность неожиданного налета в тыл заставит их развернуться широким фронтом.

Выгрузив отряд из вагонов, оставив эшелон как тыловую базу, Щорс двинулся навстречу немцам и после первых же смелых внезапных партизанских налетов заставил наступавшие немецкие колонны углубиться в лес.

Наступление оккупантов на Новозыбков сразу замедлилось. Тогда Щорс предпринял попытку остановить его, задержать немцев, пока из города подойдут новые красногвардейские отряды.

Вечером Щорс расположил свой отряд на позиции по берегу реки, недалеко от посада Злынки, занятого в этот день немцами. Кругом лежали леса, река шумела в весеннем половодье. Брода не было, но единственный мост находился в распоряжении Щорса.

Ночью было тихо. В лесу около шоссе Новозыбков—Злынка в секрете стоял партизан Живоног. Щорс, всю ночь проверявший посты, несколько раз подъезжал к нему и разговаривал, не слезая с лошади.

Каждый раз он спрашивал:

— Как дела, товарищ Живоног?

— Дела скучные — немцы спят.

— Не замерз? — спрашивал Щорс.

— Душе горячо, а тело зябнет, — отвечал Живоног.

Щорсу понравился этот парень. Пожимая на прощанье руку, он сказал:

— Завтра, товарищ, будет наоборот: душе холодно, а телу горячо.

— Так точно, товарищ командир. Очень обыкновенное дело.

Когда чуть рассвело, Живоног вынул из кармана запасный пулеметный замок и занялся разборкой и сборкой его. При этом, беззвучно шевеля губами, он отсчитывал секунды. Сбивался и снова начинал. Забывшись, он сказал громко: «Ладно, Казя, держись теперь у меня». Он хотел во что бы то ни стало собирать и разбирать замок быстрее, чем Казимир Табельчук, назначенный первым номером к его пулемету. Самого же Живонога Щорс назначил вторым номером, потому что хотя он и явился в отряд с пулеметом, но знал его плохо. В царской армии Живоног не был пулеметчиком, но, уходя из полка после революции, он решил на всякий случай захватить пулемет.

— Жалко, что не захватил пушку. Можно было прямо в запряжке угнать, — часто говорил он в отряде.

Товарищи смеялись.

— Да, проморгал ты, друже. Пушка бы сейчас нам, ой, как пригодилась.

Где-то близко глухо забили землю подковы лошадей. Живоног сейчас же положил пулеметный замок в карман и высунул голрву из густого ельника. По узкой лесной дороге, направляясь к шоссе, скакала конная разведка отряда. Впереди — Щорс.

— Едем будить немцев! — весело крикнул он.

Щорс был оживлен. Глаза блестели. Он дал шпоры и орел лошадью нагайкой. Она перешла в галоп, а за ней и вся разведка, вскоре свернувшая в сторону Злынки. Живоног смотрел ей вслед с полукртым от удивления ртом. Он не мог понять, что значат слова Щорса: «Едем будить немцев». Спустя несколько часов это выяснилось. Разведка возвращалась назад с несколькими взятыми в плен немецкими солдатами. Они сидели на конях впереди разведчиков, как деревянные куклы. Разведчики были увешены немецким оружием.

Живоног не утерпел, крикнул:

— Значит, все-таки разбудили?

Щорс, не останавливая коня, ответил:

— Крепко спали. Пришлось пашками будить.

Разведка скрылась. Живоног присел на корточки и занялся пулеметным замком. Он успел разобрать и собрать его три-четыре раза, как опять мимо него проскакала разведка, во главе со Щорсом. Спустя несколько минут раздались ружейные выстрелы. Где-то недалеко в лесу затрещал сухняк. Оглянувшись, Живоног увидел в нескольких десятках шагов немецкого солдата, раздвигавшего руками кусты. Вероятно, это был дозорный. Живоног спрятался и вслеп прислушивался. Сухняк трещал уже совсем близко. Слышался какой-то неясный гул. Он все время увеличивался. Между стволами сосен замелькали каски. Немецкая пехота шла по лесу колонной.

Живоног кинулся в сторону своего отряда. Затрещали выстрелы. Пули свистели над его головой. Впереди падали срезанные пулями ветки деревьев.

Когда Живоног выбежал из леса, партизаны уже перебежали мост и лежались в цепь по другую сторону реки. Пригнувшись, подняв полы шинели, Живоног перебежал мост последним.

Щорс не было видно. Отрядом командовал Зубов.

Запыхавшийся Живоног доложил ему:

— Немцы прут колоннами. Тьма тьмущая.

Зубов смотрел в бинокль. Не отрывая от него глаз, он спросил:

— Разведку видел?

— Такая беда. Кажись, товарищ Щорс угодил немцам в тыл. Боюсь не видать нам теперь его, — сказал Живоног.

На опушке показались немцы. Они высыпали из леса, как муравьи из растревоженного муравейника. Живоног пригнувшись, побежал вдоль цепи и лег у своего пулемета.

— Погиб наш командир, дорогой товарищ Щорс.

Казимир ничего не ответил. Затылок пулемета бешено сотрясаясь перед его худым, покрытым капельками лихорадочного пота лицом. Табельчук поливал пулеметным огнем выпавших из леса немцев. Они снова прятались за деревья.

Живоног, вынимая из коробки ленту, разговаривал сам с собой. «Стой!» — крикнул он вдруг не своим голосом и схватил Казимира за руку.

На дороге, выходящей из леса, показалась разведка во главе со Щорсом. Сверкая клинками шашек, она поскакала вдоль опушки, врзалась в испуганно заматавшуюся немецкую пехоту и, резко повернув, галопом понеслась к мосту. Все это произошло в минуту.

Под огнем немцев, потеряв на мосту несколько человек, упавших с коней, разведка прорвалась на другой берег реки. По цепи передали команду Щорса: отходить перебежками к лесу.

Пулеметчики, откатываясь, прикрывали отход. Они догнали отряд, когда он пересекал широкую поляну. Недалеко гудел паровоз. За лесом был последний полустанок перед Новозыбковым.

Щорс остановил отряд. Повернувшись, партизаны рассыпались по опушке. Впереди лежала поляна шириной около километра.

Не прошло и получаса, как опять показались немецкая пехота. Она выходила на поляну и наступала густой массой, сомкнутыми рядами с ружьями наперевес, без единого выстрела. Щорс приказал стрелять только после его команды. Когда немцы подошли на 300 шагов, он открыл пулеметный огонь. Немецкая пехота продолжала наступать, хотя ряды ее быстро редели. Щорс начал расстреливать ее ружейными залпами. Не дойдя до опушки леса шагов сто, немцы повернулись и побежали...

После боев под Злынкой под командой Щорса осталась горсточка измученных бойцов. Вернувшись к своему эшелону, стоявшему на станции Новозыбков, он снова с помощью городской партийной организации взялся за формирование отряда. Теперь большинство приходивших к нему добровольцев были рабочие местных фабрик. Объявив себя мобилизованными, явились к Щорсу и депутаты городского совета. В числе их была девушка-коммунистка. Щорс уже видел ее как мельком в исполкоме. Ему запомнились ее большие внимательные карие глаза, смуглое миловидное лицо с несколькими преждевременными морщинами. Ее звали «товарищ Фаня».

Явившись к штаб отряда, она держала себя свободно, не обращая никакого внимания на любопытные взгляды; говорила коротко, сухо, не улыбаясь.

— Стрелять умеете? — спросил Щорс.

— Да. Упражнялась на стрельбище, — ответила Фаня.

— Будете разведчицей.

— Хорошо.

Щорс дал девушке кавалерийский карабин, две ручные гранаты.

— Знаете, с чем их кушают? — чуть улыбаясь спросил он.

— Имею представление, — ответила Фаня, пряча гранаты в глубокие карманы шинели.

Вест о зачислении в отряд разведчицы быстро разнеслась по эшелону. Повстанцы выходили из вагонов посмотреть на нее. Несколько человек окружило Фаню. Среди них был и сгоравший от любопытства Живоног. Он первый поздоровался, назвав себя по фамилии. На вопросы партизан девушка отвечала охотно, но в подробности не вдавалась. Она сказала, что воевать ей еще не приходилось, если не считать разоружения царских офицеров, в котором она принимала участие. Больше ей приходилось делать доклады. Среди членов городского совета она была единственная женщина.

— А пулеметному делу не обучались, товарищ-барышня? — спросил Живоног.

— Нет, — улыбнулась Фаня.

— Ну ничего. Я могу вас очень быстро обучить. Я — пулеметчик.

Однако обучать разведчицу пулеметному делу ему не пришлось.

Немцы подходили к Новозыбкову. Отряд Щорса занял позицию в шести километрах от города, по обе стороны железной дороги. Немцы время от времени постреливали из пулеметов, но в наступление не переходили.

Слева темнел густой лес. Опасаясь обходного движения врага, который, получив от партизан ряд крепких ударов, действовал против них по всем правилам тактики, Щорс решил послать в лес пешую разведку. Он передал об этом по цепи, вызывая охотников. Их собралось человек десять. Явился и Живоног. Щорс, объяснив задачу, сказал:

— Начальником разведки будет товарищ Фаня.

Пробираясь к лесу пришлось под пулеметным огнем. На открытой местности немцы сразу заметили разведку. Она двигалась перебежками и ползком. Впереди — девушка в папаше. Живоног старался не отставать от нее. Он все время кричал ей:

— Ниже голову!

Наконец девушка обрезала его:

— Обойдись без няньки, товарищ!

Живоног обиделся и замолчал.

В лесу разведчики пошли цепью на далеком расстоянии друг от друга. Живоног, искоса поглядывая на Фаню, пробирающуюся между деревьями с карабином в руке, что-то бурчал себе под нос. Вдруг раздался выстрел. Фаня остановилась и, щелкнув затвором, легла. Рукой она дала знак лечь всем. Живоног нехотя, не торопясь лег в нескольких шагах от нее. Послышалась команда на немецком языке, впереди замелькали стальные каски, серые шинели, затрещал пулемет.

Живоног стрелял, поглядывая после каждого выстрела на Фаню. Она целилась старательно и спокойно. Немцы обходили разведчиков. Надо было отступать. Живоног окликнул Фаню, но она не отозвалась. Голова ее лежала на карабине. Неподвижное солнечное пятно блестело на папаше...

Вечером отряд Щорса медленно двигался в своем эшелоне по железной дороге Новозыбков — Клинцы — Унеча.

Оставшийся сзади бронепоезд обстреливал немцев, которые уже заняли Новозыбков. Щорс стоял в дверях вагона, следя за взрывами снарядов. Кто-то показал ему на человека, шагнувшего по болоту. Щорс посмотрел в бинокль и узнал Живонога. Выпрыгнув из вагона, он побежал к нему навстречу.

Живоног был весь в грязи. Казалось, он выкупался в болоте.

— Где товарищ Фаня? — спросил Щорс.

— Пала в бою, — прошептал Живоног чуть слышно.

Павло Усенко

Казацкий дуб

Сколько побывало тут певцов!

У твоих ветвей, под мощной их листвою,

Сколько бесприютных находило кров,

Избывало горе песней вековою!

Вижу, древний, вижу — ты недаром хмур:

Кто здесь только не был — горем

поделиться?

Слышу, слышу струны жалобной бандуры,

Вижу хлопцев сумрачные лица.

Но смолкала песня бандуристов

Под ногами пана, под господской плетью:

Вспыхнет гнев народа, в ярости неистов,

И, в крови потоплен, гложет в лихолетье.

И певец, седую голову понуря,

Слушал, как печально отвечала зелень:

Тень ложилась, тень таила бурю,

И года скользили в злую темень.

... Сколько побывало тут певцов!

У твоих ветвей, под мощной их листвою,

Сколько бесприютных находило кров,

Избывало горе песней вековою!

Налетала шляхта тучею когтистой,

Словно воронье, кружила по дорогам.

Бедняки — слезами, песней — бандуристы

Плакались под дубом о житье убогом.

Шелестят и шепчут листья безумолку,

Будто откликаясь всем былым восстаньям.

Клонится старинный и шумит подолгу,

Как бы вопрошая: «Чем мы жизнь
помянем?»

И в ответ повсюду по лесам и долам

Песня загремела, озарив пространства,—

По проселкам-селям голосом веселым

Песня молодая, грозная для панства.

Дуб раскинул ветви, поднялся могучий:

Гей, слышать песни — все бы, до единой!

...Самолет высокий, прорезая тучи,

Солнечною песней мчит над Украиной!

В. В. Маяковский. Неопубликованный снимок

Фото М. Оцула

С украинского перевел

Борис ТУРГАНОВ

Детство архитектора Баженова

Русский зодчий Василий Иванович Баженов, будучи удостоен еще в годы ученичества за границей золотой медали Парижской академии, звания профессора Римской, Болонской, Флорентийской академий архитектур, не был допущен к кафедре Санкт-петербургской академии.

Баженов оставил ряд замечательных работ, из которых наиболее известны модель реконструкции московского Кремля, здание Румянцевского музея — теперь библиотеки Ленина, Царицынский дворец, Михайловский замок в Ленинграде и ряд частных домов в Москве.

Архитектурные идеи Баженова нашли свое развитие в творчестве русских зодчих XIX века: Казакова, Воронихина, Захарова и др. В отрывке из романа Ан. Шишко показано детство этого замечательного русского архитектора.

1

Села Дольского, Малоярославского уезда Калужской губернии — родом.

И наречен:
Василий Иванов, дьяка Баженова — сын.

Луга заливные, лес и церковь на горе... И медлительный, кругами расплывающийся звон.

Благовестят к вечерне. Склонив стриженные в кружок головы, сумрачно молятся мужики, неподвижные стоят бабы, а впереди — дьякова женка, с дитем на руках. Дитё малое, неразумное, норовит лучик ухватить и агукает громко, на всю церковь.

— Цыц, Васенька, цыц, — улещивает его мать.

И творит крест.

Держа руку наотмашь, возглашает дьяк:

«...Еще молимся о здравии государыни нашей, благочестивейшей и самодержавнейшей императрицы всея Руси, Анны Иоанновны...»

В 1737 году село Дольское посетил проездом архиерей. Заслушавшись Баженова, архиерей сказал:

— Блаоленно поешь... А ну возгласи многая лета.

Иван Федорович возгласил.

И судьба его решилась. Повелено: ехать в Москву, понеже государыне zelo любезны голоса.

Было это весною, вскоре после тройцы, ознаменовавшейся великим пожаром Москвы. Ехали Баженовы медленно, подолгу стояли в трактах, пока рядился дьяк с мужиками, и дальше волоклись. А когда на второй день пути предстала Белокаменная, дьяк снял скуфейку, перекрестился: только Кремль уцелел да Замоскворечье.

И ничего этого не помнит Васенька, разве со слов матери.

Было ему четыре года, когда свергли Анну, а шесть лет спустя, в царствование Елизаветы Петровны, стала застраиваться Москва. Изюм в день бродил мальчик по городу и все новые открывал чудеса: где недавно еще чернело пожарище, возникал, аки феникс, дом. Вася срисовывал его, а вечерами прилежно раскрашивал.

Поселились Баженовы при кремлевском храме Иоанна Предтечи, где дьяконствовал отец, в низкой, сырой келье с запахом плесени по углам. Горька была жизнь с хлеба на квас, тощал Вася и вытянулся

рано, худой, с большими, глубоко запавшими глазами. Игры с ребятами не занимали его; часами мог он сидеть, разглядывая башни Кремля, тайники и переходы. А больше всего нравился ему Иван-Великий. Знал Васенька: стоит Ивану ударить раз-другой, как по всей Москве заторопятся, заспорят колокола и будто музыкой наполнится воздух.

Улыбаясь, Вася гладил башню рукой. Из камня была звонница, шероховатая наощупь, невиданной высоты и стройности... Гудели вверху колокола, а здесь, посреди заросшей травой площади, было тихо, ветер шевелил волосы.

Под вечер, лежа на зеленом холме, видел он Замоскворечье, все в садах, плоты по Москва-реке... И тихая струилась песня про Еруслава Лазаревича.

Ослепительно сверкали на закате стены Кремля.

«...Восемнадцать лет назад, в суровую зиму, подходил к этим стенам юноша, пешком прибредший из-под Архангельска. Первую ночь в Москве провел крестьянский сын Ломоносов на рыбном рынке, спрятавшись в пустых клетях. Был он крепок и вынослив. А на утро постучался в двери Славяно-греко-латинской Академии¹. Той самой Академии, где сидел теперь Васенька, с унынием взирая на решетчатый переплет окна... А Ломоносов стал учен и знаменит. В Академии хранилась скамья его, изрезанная ножом. Между скамеек ходил дьяк с указкой и бил заезжавших по пальцам. И нельзя было плакать, а то на горох поставят: учись на коленях. Еще в руки камень дадут, и держи его на вытяжку. А монах вопрошает:

— Где аггелы сотворены? Ответчай.

Это на уроке богословия. По физике же надо твердо знать: бывает ли в раю роза без шипов?

В низкое оконце день льет прощальный свет. Вон воробьи полетели... И жалко дня. Вечер подойдет — засадит отец жития читать, или вдруг, помрачнев, гаркнет:

— Марш за вином!

И летит Васенька кубарем. А на дворе мороз, снег хрустит. Одежка ветхая, продувает. Стынет над Лобным местом луна, в облака прячется, погрееется — опять выйдет. На Красной площади ни души. Грудой хаоса чернеет Василий

¹ Духовное училище.

Из бойниц отвечали ленивым басом:

«Велик град Москва!»

А за Садовниками, из тесноты кривых улочек, в сизой дымке вечера, вставал иной город, весь в колоннах...

И посему:

Вышереченного Баженова Василия, сына Иванова, считать с превеликим успехом Академию окончившего и определить одного по склонности к искусствам в Архитекторскую школу князя Ухтомского.

Дана сия грамота в первопрестольном граде Москве, в лето от рождения Христова 1751-е, а в благополучное царствование императрикс Елизавет десятое.

2

Вставали рано, едва ударит колокол. Избегая встречаться с отцом, Вася торопливо одевался и уходил в школу. Помещалась она в Охотном ряду, где торговали жареной требухой, калачами, пряниками.

Здесь, в низеньком здании, сходились все 28 гезелей² Ухтомского, и он, являясь как всегда точно, в семь утра, еще при свечах читал им Витрувия, разъяснял законы архитектуры. Задав уроки, Ухтомский приступал к распределению обязанностей. Одному поручалось осмотреть здание, предназначенное на слом, другому — снять примерный план местности. Покончив с этим, Ухтомский, озабоченный, садился в карету и уезжал.

Закусив в требушином ряду рубцами, гезели разбегались по городу.

Шумела Москва. Раздвигались ее пределы. Через великие грязи Белого города, как по болоту, тянулись вежи будущих улиц, коим надлежало быть шириною осьми сажен, персулкам же — наполюину. Очищался Кремль. Ветхости были сломаны и свезены в Никольские лабазы. По проекту славного Бартоломео Растрелли строили зимний дворец в Кремле и оттуда доносились крики, ругань, грохот обтесываемых камней.

Сам Ухтомский, первый архитектор Москвы, обновлял здание Арсенала. Работа была тонкая, требовалось художество, и гезели, закинув головы, смотрели, как их учитель, стоя в подвешанной бадье, расписывал творенье бессмертного зодчества³ Кристофа Конрада. Карету Ухтомского видели мчащейся с одной стройки на другую. Обновлялась вся Москва. Уже заканчивали Камер-Коллежский вал с каменными кордегардиями у застав, наводили мост через Неглинку, — но главной заботой Ухтомского были Красные врата, воздвигнутые по случаю коронации Елизаветы и сгоревшие. Ухтомский повторял их в камне.

Дел было множество. Рушились последние терема, очищались от завали улицы. Шалаши, харчевни, курные избы, крытые лубом, с Красной площади переносились в Замоскворечье. Только у реки разreshалось ставить кузницы.

С утра до вечера шипело раздуваемое мехами пламя, ковали до темна, пока, оглашая улицы трещетками, не приходила стража.

И тогда — умолкала расхолодившаяся за день Москва. Усталый Вася возвращался домой. Ити надо было через Каменный мост, облепленный лотошниками, торговавшими при копеечных свечах. Вася покупал бублик или маковку и плед-

Блаженный. Как ни торопится Васенька, а все ж, постукивая ногой об ногу, постоит, подивится и дальше бежит.

У Воскресенских ворот — кружало, царев кабак. Люди песни горлают, пьяные на снегу лежат. Худое в кружале и воздух хмельной, но тепло. Нацедит целовальник флягу, три семитки бросит ему Васенька, а на те деньги сколько бумаги купить можно, страсть...

Есть у него тетрадь заветная. Там и Архангельский и Успенский соборы срисованы, а любимая звонница на каждом листе. И планы разные, как быть должно, если строить. Никому не ведома та тетрадь, спит на ней Васенька, днем под раскладку носит, у сердца. Нет у него друзей, товарищи — насмешники, пьют водку поповичи, катехизис зубрят... Нет у Васеньки охоты попом быть, а велят...

И, вздохнув, прячет он штоф за пазуху.

Вот если б Ломоносова увидеть, ему бы показал Васенька тетрадь, да где же его встретишь, в Петербурхе он, при дворе... Тяжело Васе одному. И только радости, что по Москве бродить. А Москва сейчас же за Кремлем и — необъятна... Тихонько, как вор, крадется Вася вверх по Тверской. Ох, разъярится отец, да ведь взглянуть-то хочется...

И вот дом.

Совсем иной, чем в Кремле, почитай во всей Москве единственный. Князя Гагарина дом. В окнах огни, силуэты движутся. Подкатывают к подъезду колымаги золоченые. Выходят из карет дамы в кринолинах, в завитых, будто снегом осыпанных париках. И мужчины в париках. Атласные на них кафтаны, штаны до колен, чулки, сбоку шпажки. Сразу видно — дворские люди, а лучше всего дом. Да разве на морозе его срисуешь?

Бежит Вася обратно, весь поседел, а в глазах одно: дом с колоннами...

И уже не страшен отец. Да и не долго ему бушевать, напется, розгу бросит, начнет чертей ловить. И не успокоится, пока обратно всех в штоф не загонит. Всклипывая, достанет мать кашу из печки, повечеряют, а там и спать. Но перед сном он убежал к реке и, жадно глотая снежинки, смотрел на голубую Москву.

Переключались дозорные:

«Чу-уден город Киев! Славен город Нов-город!»

² Ученики, подмастерья.

³ Строителя, основателя.

ся дальше. Жили теперь Баженовы в Замоскворечьи. Из-за перестройки Кремля дьякону отвели домик в Средних Садовниках. Дом был ветхий, крытый соломой, но окружен садом. Здесь, сидя под яблоней, Вася учил уроки.

Больше всего любил он тишину вечера, когда замирали птицы и над потемневшей Москвой плыли раздумчивые колокола. Оставляя книгу на лавке, мальчик выходил за калитку, подолгу смотрел на Кремль.

После обхода стражи, все его ворота запирались.

Всплывала луна. Чернели отраженные в реке шпили башен, купола соборов, которые Вася привык считать своими. И над всем этим — высилась любимая звонница.

Он жалел, что не мог уже бродить, как прежде, по Ивановой площади, грустно смотрел на прохожих. По бревенчатому настилу, утопавшему в грязи, шли землеко-

пы, каменщики, столяры — рабочий народ.

В домах зажигались огни. Пылали костры вдоль Москва-реки.

На врытых в землю колах сушились, как невода, за день пропревшие рубахи, люди били вшей или горланили озорные песни, а в ответ им с барж, груженных тесом, неслись ругательства плотовщиков.

К полуночи замирала вся эта пестрая, неугомонная жизнь; где-то далеко тренькала балалайка и слышался голодный лай сторожевых псов. Запершись на засовы, задвинутая ставнями, спала Москва.

Не спал Васенька. Лежа на полотах, он видел в окне серебрившиеся кусты сирени и при мерцании ночника тайком листал книгу. Жутко было. Прислушиваясь к храпу отца, он замирал, вглядываясь в черную, вверх задранную бороду, смотрел на мать, даже во сне сохранявшую скорбное, забитое выражение лица. Было оно такое доброе, что хотелось тут же вскочить и поцеловать.

Но опасаясь разбудить отца, снова углублялся в книгу.

Вместо опустылевших риторик и пиитик пальцы его дрожа перелистывали хрустящий пергамент сочинений Витрувия. Трактат римского зодчего Витрувия был ему еще непонятен, но планы, чертежи, рисунки величественных зданий всхлищали Васю закономерностью линий, предельной своей простотой и стройностью. Вся эта красота покоилась на фундаменте математики, над которой бился Васенька ночами, решая задачи.

Бледный, с бьющимся сердцем лежал он навзничь и, закрыв глаза, старался мысленно проникнуть в тайну стройки. Но по мере того как входил он в работу, выяснялось, что никакой тайны нет, а есть математика, расчет, знание материала. Так, на глазах у всех, работал Ухтомский. Измерял ли он землю, чертил ли план или указывал куда и как класть камень, все у него было просто, безошибочно, как-то не по-человечески

легко. И только когда путали другие, он сердился, топал ногами и, сорвав с себя парик, хлестал провинившегося по лицу. Работа продолжалась. С простотой, даже удивительно, рос, ширился, замирал в избранной форме дом.

Вася уже разбирался в стилях. Он знал, что есть рокайль — французский стиль, ведущий свое название от ракушки, от завитка ее. Причудливый, капризный стиль. Знал о колоннах — пилястровые: ровные, плоские; коринфские: круглые, с листьями аканта у вершины. И все это шло из древности, от Греции, Рима...

Занимала его готика. Островерхие кровельки, шпили на башнях, стрельчатые, лучистые окна. Сколько построено людьми! Храмы, монасты, дворцы. Из глубины веков, раздвигая на своем пути отмирающее и вечно возрождающееся человечество, идут, приближаются к нему каменные гиганты.

И, засыпая, усталый и счастливый, он видел их во сне.

Шота Руставели

Плач Автандила

Жизнь! В чем суть ее и правда? Для чего кружит и гонит?
Кто доверится круженью, безутешно тот застонет.
Где наш миг первоначальный, где нас время похоронит?
Только бог к стенам нашим милосердный слух преклонит.

Разлученный с Тариэлем, горько плакал Автандил.
Стоны путника ночного долетали до светил.
Но и в небе утешенья он в ту ночь не находил.
Одинок на свете каждый, — встречи рок загородил.

Говорил он Солнцу: «Солнце! Тинатин, как ты, сверкала.
Оба вы мне осветили эти пропасти и скалы.
Вижу, глаз не отрывая, шар слепящего накала.
Так зачем же ты мне сердце, как она, не обласкало?

Краток зимний проблеск солнца, — голубеют льды вокруг.
Два светила я покинул, — где царевна, где мой друг?
В мирозданьи камни только не испытывают мук.
Нож для раны не лекарство, лишь разбередит недуг».

И, в седле качаясь тихо, говорил он Солнцу снова:
«Солнце, пламенный властитель, всех огней и слав основа,
Возвышаешь ты ничтожных, даришь царственное слово,
Всех живых соединяешь, созидатель дня земного!

О, Зуал¹, звезда унынья! Вместе жалуемся мы.
Навсегда одень мне сердце тканью траурной чалмы.
И навьючь меня, как мула, в скучном странствии зимы,
Но избавь от разлученья, выведи из этой тьмы!

О, Муштар, светлейший в небе! Судия благой и здравый!
Будь охраной справедливой иль вершительной расправой,
Не губи души невинной, защити живое право,
Если я сожжен любовью, не давай иной отравы.

О, Марих-отмститель! Сердце боевым копьём пробей!
Окровавь багряным током черноту моих скорбей,
Загляни в окно царевны, объясни подробно ей,
Чем я стал, как изменился в горькой немошси моей.

Аспироз, краса золотая! Я пылаю чувством жадным,
Губы милой вспоминаю с их рубином ненаглядным.
Ты красавицу одела колдованьем нарядным,
Ты свела с ума скитальца и в пути забыла холодном.

Отарид, небесный странник! Наши встретились пути.
Сквозь круженье солнц летящих не прорваться, не пройти.
Опиши ей, как я болен, слезы в буквы преврати,
А взамен пера-тростинки стан мой зыбкий обхвати.

Лунный серп! Ты тоже зыбок и тончаешь в синей бездне.
Но когда ты на ущербе, вспомни о моей болезни.
Если я теряю разум, то и ты к заре исчезни,
«Не забудь о нем!» — скажи ей, дай ей знак, пропой ей песню!

Семь светил — моя порука, семерых на суд позвал.
Аспироз, Марих и Солнце, Отарид, Муштар, Зуал
И Луна расскажут милой все, что я им рассказал,
Что за пламень жег мне сердце, что за меч меня пронзал».

И еще сказал он тихо: «Слишком долго сердце тужит!
Видно, дьявол привязался и попутчиком мне служит,
Снятся вороновы косы, память голову мне кружит.
Но еще вернется счастье, день дорогу обнаружит!

Жизнь всегда прекрасна, — даже в ненадежности ее!
Скоро, скоро рассветает. Прочь, отчаянье мое».
Он запел такую песню, что, померкнув от нее,
Соловиный щебет жалок, как совиное вытье.

И, услышав человека, вышли звери, птицы, гады,
Камни вылезли морские, чтобы плакать от улады,
Затаив дыханье, молча, широко раскрывши взгляды, —
Ибо так печально пел он, что рыданью были рады.

Сколько тварей там толпилось, как их полукруг широк!
Рысь лесная, кит заморский, поднебесный голубок.
Франки, руссы и арабы, Запад весь и весь Восток,
Из Ирана и Египта человеческий шел поток.

Перевел с грузинского
П. АНТОКОЛЬСКИЙ

¹ Названия планет — арабские: Зуал — Сатурн; Муштар — Юпитер; Марих — Марс; Аспироз — Венера; Отарид — Меркурий. — Прим. пер.

В. Кожевников

«ВОЛОЧАЕВСКИЕ ДНИ»

На вопрос американского корреспондента о цели своего визита в советский Владивосток полковник Усжима с ласковой готовностью отвечает:

— Хочу собирать незабудки.

Сопровождающий Усжиму белогвардеец — «знаток» русской флоры — с целью провокации убивает старика-японца. Японское командование высаживает десант на берегу Тихого океана.

«Так как принятые мною меры заключаются в защите японских подданных, то ещё раз заявляю, что горячо питаю глубокую дружбу и сочувствие к русскому народу и желаю, чтобы русский народ ни о чем не беспокоился и как обыкновенно занимался своими делами». Так гласило воззвание контр-адмирала Хирохару Като от 5 апреля 1918 года.

125-тысячная армия интервентов на суше. Русский народ, пренебрегая японской «дружбой», уходит в тайгу, в партизаны. Молодой большевик Андрей возглавляет партизанские отряды. Целеустремленный, уверенный в победе, он воодушевляет партизан на борьбу с интервентами. Дочь железнодорожника осуществляет связь между партизанами и партийным комитетом большевиков, доставляет оружие. Японцы продвигаются в глубь страны. На их пути остаются еженные села, расстрелянные крестьяне.

Партизаны наносят японцам стремительные и неожиданные удары. Для передышки японцы делают дипломатический ход — вступают с партизанами в переговоры. Андрей — в резиденции полковника Усжимы. Он непреклонен в своих требованиях, дискуссия кончена. Вдруг Усжима распахивает занавес — за ним, подняв винтовки, стоят япон-

Андрей — арт. Ник. Дорохин

Военный совет партизанского отряда. Слева направо: дядя Федор — арт. Семенов, Андрей — арт. Дорохин, Егор — арт. Лукин, Валерий Яковлевич — арт. Матов, командир — арт. Сизов и Бублик — засл. арт. республики Блинов

ские солдаты. Тогда Андрей раскрывает окно и предлагает взглянуть Усжи́ме на улицу. Там у пулемета ждут сигнала партизаны. Провокация не удалась. Японцы заключают перемирие.

Возвышенность огромной стратегической важности — сопка «Емелькина Шапка». Японцам необходимо занять ее. Но там уже партизаны. Народная смекалка сделала высоту неприступной: партизаны облили крутые склоны сопки водой, и сопка возвышается над равниной неприступной ледяной скалой. Японцы ползут вверх и падают с этой ледяной вершины. Их несметные полчища. Партизаны жаждут боя, но стрелять нельзя: заключено перемирие. Андрей удерживает ярость партизан. Тогда партизаны скатывают из снега огромные глыбы и бросают их вниз. Японцы падают с горы, катятся кувырьком, беспомощные перед этим снежным побоищем.

Японцы первые открывают стрельбу. Но подходят регулярные части Красной армии, партизаны скатываются с ледяной горы и бьют врага. Танк красноармейцев прокладывает дорогу партизанам. Японцы разбиты, опрокинуты.

Вокзал. Большевик Андрей следит за отправкой эшелона с интервентами. Полковник Усжи́ма раскланивается, на его лице деревянная любезная улыбка. Поезд отходит. За последним вагоном волочится привязанная кем-то для веселого озорства метла. Она волочится вслед интервентам, заматавая путь. Это вам вместо букета незабудок, самурай Усжи́ма.

Фильм орденоносцев-режиссеров братьев Васильевых показывает героическую борьбу сибирских партизан за свою родину. Легендарная Волочаевка, увековеченная в песнях и сказаниях, встает перед нашими глазами величественная, суровая и героическая. Фильм с вдохновенной гордостью снова показывает героев нашего великого мужественного народа, боровшихся за наше счастливое сегодня.

«Волочаевские дни» — это не только политическая победа творческих работников кинематографии, это победа советского искусства, идущего по пути социалистического реализма.

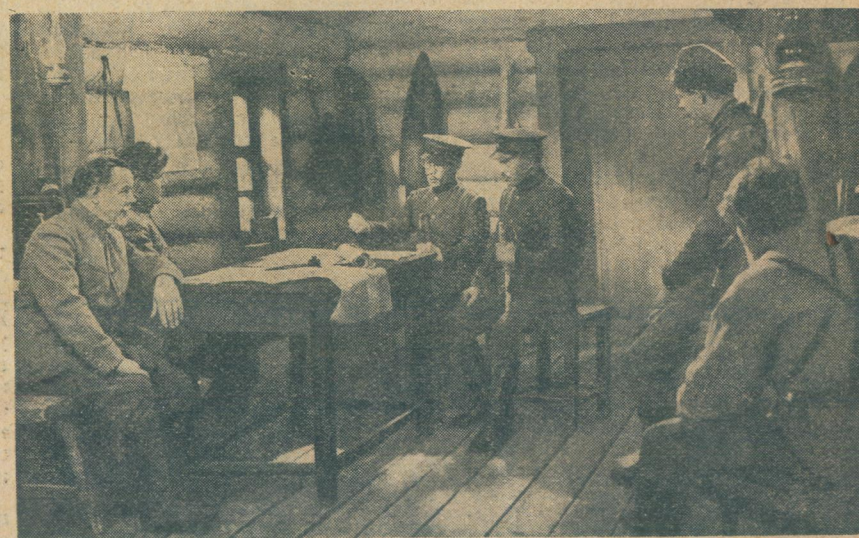
В 1936 году режиссеры братья Васильевы предприняли поездку на Дальний Восток с целью собрать материал для сценария «Волочаевские дни». Режиссеры побывали не только в городах Дальнего Востока, где происходила борьба с интервентами. Братья Васильевы забирались в самую таежную глушь, вроде деревень Анучино, Чугуевка и другие. Им важно было проникнуть в подлинный быт сибиряков, послушать величественную и гордую тишину тайги. И главное: увидеть и понять тех людей, которые являлись героями и участниками событий. Эти герои оказались простыми советскими людьми — работали в кооперации, на лесозаготовках, на промыслах. С величайшим вниманием отнеслись они к работе братьев Васильевых. Бывшие партизаны давали ценные советы режиссерам.

Написанная композитором Д. Шостаковичем музыка к фильму выразительна, проста и понятна.

Фильм «Волочаевские дни» — ясное реалистическое вдохновенное кинопроизведение — заслужено пользуется успехом у нашего зрителя.

Егор — арт. Лукин, Фалалей — арт. И. Добролюбов

«Дипломатические переговоры» — между японцами и партизанами

На съемке эпизода «Смерть Трофимыча». Кировск — зима 1936/37 года. Режиссеры братья Васильевы, операторы А. Сигаев и А. Дудко, Трофимыч — арт. Александр Морозов

РАССКАЗ О БАРСОВОЙ ШКУРЕ

Это случилось на западном Памире, в местности, называемой Джомангоз, в животноводческом совхозе «Комсомолец», на высоте около четырех тысяч метров над уровнем моря.

Лютая памирская зима подходила к концу. По ночам еще стояли стачанные морозы, но днем солнце растапливало снег и грело так, что можно было ходить в одной майке.

Архары и кишки, спускавшиеся зимой вниз в поисках корма, опять ушли высоко в горы. Волки следовали всю зиму по пятам за их стадами и пожирали наиболее слабых и отстающих.

Теперь, когда дикие козы ушли высоко, волки, лишившиеся своей «постоянной продовольственной базы», обосновались в окрестностях совхоза «Комсомолец». По ночам они подходили со всех сторон к загонам и нарушали тишину гор жалобным, унылым голодным воением. На открытое нападение на стада волки не отваживались и проявляли главным образом мелкими кражами. То стащат заболелую барашку, то искусают зазевавшуюся и отбившуюся от своих собак.

Иногда, когда особенно надоедал вой и стада беспокоились в загонах, охотники выходили пострелять волков, но занимались этим без особенного рвения. Близилась весна. Со дня на день можно было ожидать, что волки уйдут сами.

Совхоз хорошо охранялся. Стада стерегли опытные памирские пастухи. Им помогали памирские овчарки, смелые, преданные и умные животные, серые и рыжие, сами похожие на волка, но гораздо больших размеров, к тому же отлично накормленные и сильные. Одна овчарка свободно могла справиться с волком. А овчарок было сто пятьдесят.

Команда лыжников спортивного общества «Динамо» в сопровождении собачьей упряжки совершала в эту зиму свой первый в истории Памира переход через непроходимые, занесенные глубоким снегом перевалы. Вел команду лейтенант Шахмин, Петр Степанович, опытный лыжник, чемпион Урала. Тот самый Шахмин, что несколько лет назад в самые жестокие зимние морозы привел взвод лыжников-бойцов в полном военном снаряжении, с оружием и пулеметом с Урала в Москву.

Когда лейтенант Шахмин со своей командой пришел в Джомангоз, там царил переполох. В это утро в загоне для жеребых маток нашли зарезанной одну из лучших кашгарских племенных кобыл.

Не успели работники совхоза как следует осмотреть место происшествия и высказать все возникшие предположения, как в совхоз пришла делегация от дехкан соседнего кишлака. Незнакомый враг поработал и там. Ночью погибло несколько телят кутасов — памирских яков, заменяющих здесь коров.

У всех были прокушены горла, кровь вытекла на землю, но туши остались нетронутыми. В стаде не хватало только одного небольшого барашка. Кровавый след вел в горы.

Снег за совхозом и кишлаком, там, где стада не протоптали тропы, был очень глубокий. Местные охотники оказались в большом затруднении: как выследить убийцу? Тогда лейтенант Шахмин отправился по следу на лыжах.

Утреннее солнышко растопило уже верхний слой снежного покрова в долине. Следы были неясны, и если бы не капли крови зарезанного барашка, их не удалось бы различить совсем. Но чем дальше Шахмин забирался в глубокое узкое ущелье, там следы становились яснее.

Ровной линией по насту тянулась дорожка с двумя рыхлыми бороздками снега по краям. Какой-то большой зверь, видимо, нес на себе что-то тяжелое. Лапы его, продавив тоненькую корочку наста, проваливались глубоко в снег. Следы шли на равном расстоянии.

Местные охотники-дехкане с самого начала высказали предположение, что в окрестностях появился особенно большой и голодный волк. Но когда все узнали, что в совхозе зарезана кобыла, старики многозначительно покачали головами и стали перешептываться между собой. Шахмин спросил, отправляясь на разведку, что они предполагают? Но старики ответили:

— Мы скажем, когда увидим след.

И Шахмин шел все дальше и дальше по хрустящему насту, внимательно глядя себе под ноги. Он остановился только тогда, когда, наконец, заметил большой, в ладонь, отпечаток лапы на непровалявшейся снежной корке. Такого следа Петр Степанович не видел еще никогда. Одно он с уверенностью мог сказать: это не был след волка.

Но как рассказать там, в совхозе, об этом неизвестном следе? Шахмин смерил его длину и ширину, вынул из походной сумки записную книжку и срисовал отпечаток. Сначала он нарисовал след маленьким, так как страница книжки была маленькая. И как только отчетливые черные линии легли на листок, Петру Степановичу стало ясно, что этот кошачий след, так похож был рисунком на след кошачьей лапы.

Тогда он развернул книжку посередине, где сходились две страницы, и нарисовал след в натуральную величину.

Это был след барса. Шахмин повернул обратно и быстро побегал в совхоз.

Все ждали его возвращения с нетерпением. Окружили. Закидали вопросами, сколько следов и на каком расстоянии? Но когда он показал рисунок, все внезапно умолкло. Барс был серьезный противник. Гораздо более серьезный, чем волк. Даже, пожалуй, чем целая стая волков.

И один из стариков, знаменитый охотник, прославленный пастух Карим Тапшо, сказал уверенно:

— Он еще вернется! Если он был здесь один раз, то обязательно вернется.

Из туши зарезанной лошади вырезали несколько лакомых кусков,

отравили стрихнином и вечером положили на дороге, в полукилометре от последнего совхозного загона.

У Шахмина в Джомангозе была намечена дневка. Команда лыжников осталась ночевать, и все с нетерпением ждали утра, чтобы увидеть, чем закончится охота.

Ночью было очень тихо. Все спокойно спали. Собаки молчали. Всего один раз они лениво затаивались, почти на рассвете. На утро в загоне для молодняка оказался зарезанным годовалый жеребенок.

Когда взошло солнце, все отправились к тому месту, где оставили накануне отравленное мясо. Все куски были целы и даже не сдвинуты с места. Только из одного, самого большого, был выдран незначительный клочок. Снег рядом с приманкой был слегка притоптан. В сторону вели мелкие, частые следы.

Пошли по следам. Воришка ушел недалеко. В ста шагах от отравленного мяса на снегу валялась маленькая рыжая лисичка. Когда рассмотрели ее поближе, оказалось, что тушка изрядно потрепана, а земля вокруг нее испещрена мелкими елочками птичьих следов.

Птицы, позавтракавшие мясом отравившейся лисички, оказались тоже недалеко. На снегу там и сям валялись, раскинув крылья, дохлые вороны с помутившимися стекляневыми глазами.

Но это была не та добыча, которой с таким нетерпением ждали охотники. Все вернулись домой сильно разочарованные. Шахмина так заинтересовало, уместно ли убить барса, что он решил остаться в Джомангозе еще на один день. Времени в запасе было достаточно. На предыдущих этапах команда продвигалась быстрее, чем было намечено по плану.

В совхозе между тем шли большие приготовления. Для редкого зверя был выбран самый большой капкан. Старик-пастух, тот, в чьем стаде барс накануне зарезал кобылу, сам проварил капкан в котле, наполненном растопленным бараньим жиром, чтобы барс не почувствовал чужого запаха. Директор вынес на крыльцо конторы самую большую пару архарьих рогов, добытую охотниками прошлым летом. Рога весили больше тридцати килограммов. Их накрепко привязали веревкою к капкану.

Шахмин, внимательно наблюдавший за всеми приготовлениями и принимавший в них деятельное участие, спросил директора, почему капкан привязывают именно к рогам архара. Директор в ответ только пожал плечами.

— А к чему же еще привязывать? Деревьев у нас нет. За скалу — не привяжешь. Когда зверь начнет метаться, он может перетереть веревку об острый край камня. Ес капкана — недостаточная тяжесть для сильного зверя. Он может уйти раненый и унести капкан с собою. С прибавкой же двухпудовых архарьих рогов, никто, даже самый крупный барс, не уйдет.

Когда капкан был готов, его понесли со всеми предосторожностями на место. Пошло всего трое, чтобы не было лишних следов. Шахмин соглашался на все: нести приманку, капкан, рога. Но его с собою не взяли.

— Не спеши, — сказал Карим Тапшо. — «Он» не любит, когда пахнет человеком. Нельзя ходить по его дороге.

Карим Тапшо взял приманку — большой кусок свежего жеребачьего мяса, завернутый, чтобы не

дотрагиваться руками, в овчину. Второй охотник понес капкан. Третий — рога. Они вышли из совхоза и пошли по долине, туда, где свежий ночной след барса сворачивал к водопою.

Шахмину не сиделось на месте. Он надел лыжи и тоже ушел из совхоза. Забравшись высоко по покрытому снегом, в этом месте довольно отлогому, склону горы, он отыскал отличный наблюдательный пост, с которого было видно все.

Старики-охотники шли гуськом по ложбине реки. Тот, что нес архарьи рога, отставал немного от остальных, но не больше, чем позволяла ему длина веревки, привязанной к капкану. Километрах в четырех от совхоза шестие оставилось. Капкан поставили на самом следу. Барс любит ходить по проторенной дорожке и всегда возвращается обратно по своему следу, если он не тронут. Капкан и архарьи рога тщательно засыпали снегом. На виду осталась только приманка.

Ночь выдалась беспокойная. После полуночи поднялся сильный ветер и закрутила метель. Волки несколько раз подходили совсем близко к загонам. Собаки лаяли и выли. Охотники были настороже — ружья стояли у изголовий, некоторые даже спали одетыми. Поджидали гостей.

Лейтенант Шахмин спал особенно тревожно. Он все время ворочался в спальном мешке и прислушивался к разнообразным звукам и шумам, доносившимся снаружи. Но вот сквозь сон он уловил в общем собачьем гаме знакомый голос. Это лай «Альпинист», собака Шахмина.

«Альпинист» был умный, серьезный и молчаливый пес. Ни за что не стал бы он лаять зря. В одну минуту Шахмин выбрался из мешка, схватил винтовку и выскочил наружу. Отчаянно лаяли собаки. В ближних загонах ржали лошади. Из дальних доносились с порывами ветра мычанье кутасов и блеяние овец. Визжала выюга. Шахмин ступил за порог в непроглядную темь, но не успел сделать и двух шагов, как на кого-то наткнулся.

Это был зоотехник. Несколько минут они оцупывали друг друга, пытались перекричать вой, лай, визг и выюгу и что-то друг другу объяснить. Но из этого ничего не получилось. Тогда зоотехник толкнул Шахмина обратно к двери, и они очутились снова в комнате. Здесь было спокойно, тихо и даже как будто светлее. Во всяком случае колючий снег не слепил глаза. Шахмин взял со спинки стула полотенце и вытер мокрое лицо.

— Что же делать? — спросил он зоотехника.

— До утра — ничего, — ответил тот. — Итти к загонам сейчас — бессмысленно. Все равно ничего там теперь не разберешь.

Зоотехник приоткрыл дверь и вместе с клубами мелкого снега в комнату ворвался собачий лай, более редкий чем раньше и гораздо менее озлобленный. Волчий вой доносился откуда-то совсем издалека. Лошади и овцы, повидимому, тоже успокоились.

— Ну что же, будем терпеливо ждать рассвета, — согласился Шахмин.

Больше ничего и не оставалось делать.

Утро настало неожиданно ясное и светлое. Бури — как не бывало. Свежий искристый снег, который насыпало за ночь, блестел в первых розовых лучах солнца, важно поднимавшегося из-за ослепительных вершин перевала Мац.

Лейтенант Шахмин крепко про-

сгал последние два часа перед рас- светом и встал отдохнувший и бо- дрый. Лыжи были смазаны с вече- ра, и он отказался даже от за- трака, так велико было нетерпе- ние поскорее узнать, попался ли в капкан ночной гость или ушел, еще раз обманув бдительность своих преследователей.

За высоким каменным забором- дувалом, около правления совхоза, собрались пастухи из всех загон- ов. Большинство не спало всю ночь. Стада беспокоились и металась. Но против всеобщих ожиданий все обошлось благополучно — жертв не было. Очевидно, хищник, если он только приходил, ограничился тем, что подошел близко к заго- нам и не решился напасть на скот. Следов никаких не было. Свежий снег покрыл все.

Шахмин почувствовал даже неко- торое разочарование. А что если барс не приходил вовсе? Что если он не придет совсем или придет в следующую ночь, когда его, Шахмина, не будет уже в Джоу- тангозе?

Но Петру Степановичу тотчас же стало стыдно этих своих мыс- лей. Выходило, будто он жалел, что барс не побывал в загон- ах и не зарезал ни одного животного.

Пастухи, поговорив о тревогах минувшей ночи, разошлись по сво- им стадам. Проголодавшиеся овцы, радостно блея, выбегали, почти не подгоняемые собаками, из загон- ов. Теплые солнечные лучи быстро су- шили их мокрую от ночного снега шерсть.

Зоотехник и двое местных охот- ников надели запасные лыжи команды Шахмина и все отправи- лись к вчерашнему капкану. Охот- ники шли на лыжах неловко и не- уклонно с непривычки. Шахмин скоро оказался далеко впереди всех. Не отставали от него только двое стариков-таджиков с Карим- ом Тапшо во главе. Быстрым и легким шагом горцев они бежали по проложенной Шахминым лыж- не, обутые только в длинные шер- стяные чулки и тонкую кожаную обувь — ичиги.

Еще издали Шахмин заметил, что на снегу, близ того места, где вчера установили капкан, виднеется несколько темных пятен неопреде- ленной формы. Когда он достиг дна долины, место это на минуту скрылось за поворотом.

Шахмин так быстро несся с го- ры, что едва не налетел на что- то большое и черное, лежавшее у него на пути. Ему не удалось оста- новиться сразу, скорость была слишком велика. Но миновав пред- мет, он быстро повернул и, описав крутой вираж, сделал петлю и вер- нулся назад.

В снегу лежал волк. Мертвый, с пастью в кровавой пене. Плечо и затылок его были страшно издра- ны. Струйка крови тянулась в сто- рону капкана. Видно было, что волк получил свои страшные ран- ны не здесь, а где-то гораздо даль- ше, сначала бежал, а затем полз по снегу, совсем обессиленный, по- ка не издох.

Шахмин потрогал тушу лыжной палкой и пошел дальше. По дороге ему попался еще один волк. У это- го было разорвано сверху до ни- зу все брюхо. Вывалившиеся внут- ренности лежали рядом. Снег, сме- шавшись с кровью, окрасился в грязно-розовый цвет.

КРОССВОРД

СОСТАВЛЕН ЧИТАТЕЛЕМ А. ЖУРАВЛЕВЫМ

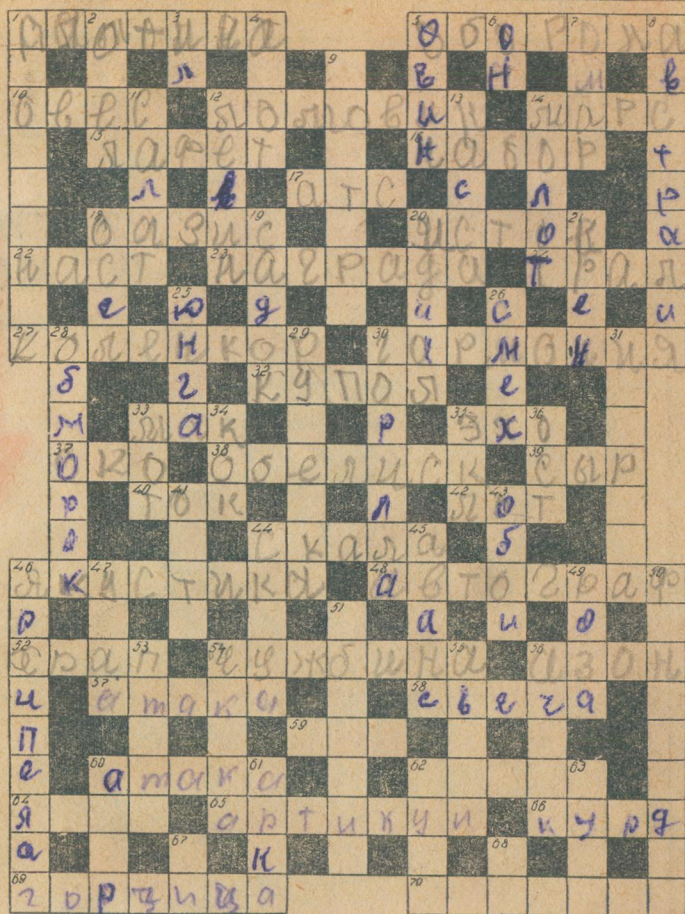
ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Гидротехническое со- оружение.
5. Защита.
10. Зерновая культура.
12. Возчик.
14. Бог войны у древних римлян.
15. Часть артиллерийско- го орудия.
16. Типографский термин.
17. Автоматическая теле- фонная станция.
18. Плодородная мест- ность в пустыне.
20. Начало реки.
22. Затвердевший слой снега.
23. Поопределение.
24. Особый вид рыболов- ной сети.
27. Материя.
30. Созвучие.
32. Свод с круглым осно- ванием.
33. Растение.
35. Отражение звуков.
37. Орган зрения.
38. Четырехугольная ко- лонна-памятник.
39. Молочный продукт.
40. Движение электриче- ских зарядов.
42. Прибор для измере- ния глубины.
44. Каменный выступ горы.
46. Учение о звуке.
48. Собственноручное письмо или подпись.
52. Неправильное дыха- ние во время сна.
54. Чужая страна.
56. Газ.
57. Вооруженное неопре- деленное нападение.
58. Источник света.
59. Болезнь.
60. Родина Одиссея.
62. Музыкальный струн- ный инструмент.
64. Мужское имя.
65. Старинное название ружейного приёма.
66. Житель Курдистана.
69. Острая приправа к мясу.
70. Область в Испании.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Гид.
2. Птица.
3. Речной напое.
4. Газ.
5. Сельскохозяйственная постройка.
6. Местоимение.
7. Морской рак.
8. Часть света.
9. Восхищение.
11. Приправа из зелени.
12. Герой романа Льва Толстого.
13. Денежный ящик.
14. Кузнечный инстру- мент.

18. Домашнее животное.
19. Место для разведе- ния рыбы.
20. Конечная возвышен- ная часть.
21. Наклон судна.
25. Ученик на корабле в старом флоте.
26. Проявление веселья.
28. Неожиданная потеря сознания.
29. Инструмент для изме- рения длины.
30. Обезьяна.
31. Пропски, козни.
33. Расточитель.
34. Корабельный повар.
35. Марка радиоприем- ника.
36. Восток.
41. Имя знаменитого по- лярника.
43. Материал для оклей- ки комнат.
44. Герой рассказа Дик- кенса.
45. Выдача вперед части заработка.
46. Значительная по чис- лу группа островов.
49. Название планет.
50. Цветок.
51. Одна из советских республик.
53. Школьная мебель.
54. Женщина славянского племени.
55. Машинное автомо- бильное масло.
56. Литературное произве- дение.
60. Мифический первый авиатор.
61. Перекрытие.
62. Часть упряжи.
63. Знаменитый скрипач.
67. Нота.
68. Часть палубы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 36 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Пастер. 5. Малина. 10. Ара. 12. Ону. 13. Сыч. 14. Бесул. 15. Лог.
16. Корт. 18. Иран. 22. Каир. 24. Аким. 27. Ирак. 29. Окворец. 31. Юрта.
32. Соба. 34. Еда. 35. Акка. 38. Тикси. 40. Знамя. 42. Ротор. 45. Алмен.
46. Ибсен. 47. Кросс. 51. Лепте. 53. Закат. 56. Сом. 57. Ткань. 59. Дятел.
61. Эра. 62. Затор. 64. Цитра. 67. Лодка. 69. Кара. 70. Або. 72. Ива. 74. Оспа.
76. Луна. 77. Пшеница. 78. Обоз. 79. Кино. 82. Иск. 83. Азу. 84. Овал.
87. Венец. 89. Карат. 92. Гараж. 94. Хав. 95. Вакса. 97. Инвар. 99. Туп.
101. Анали. 103. Товар. 106. Старт. 108. Сбород. 109. Бахта. 111. Арина.
113. Декан. 115. Крона. 118. Зона. 120. Сор. 121. Факт. 122. Драг. 123. Ма- стика. 126. Атоэ. 127. Сода. 128. Яуза. 130. Мука. 132. Рама. 134. Мед.
135. Жакет. 136. Егип. 138. Ура. 139. Бак. 140. Лактон. 141. Палата.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Пас. 2. Арык. 3. Сачок. 4. Еретик. 6. Аплике. 7. Ислам. 8. Нион.
9. Аут. 11. Зак. 17. Раса. 19. Рига. 20. Вист. 21. Баск. 23. Рвение. 24. Ара- мит. 25. Брат. 26. Мавр. 28. Коса. 30. Ода. 31. Юкон. 33. Вилла. 36. Крест.
37. Макс. 39. Икс. 40. Зельц. 41. Ябеда. 43. Оса. 44. Хата. 48. Роза. 49. Омар.
50. Сто. 52. Пат. 53. Зло. 54. Кэкс. 55. Арап. 58. Крапива. 60. Елабуга.
63. Талон. 65. Истра. 66. Рюмка. 68. Дозор. 69. Кок. 71. Бас. 73. Вов.
75. Аул. 80. Иван. 81. Нева. 85. Вата. 86. Ажур. 88. Ева. 89. Котол. 90. Ров.
91. Тирани. 93. Аре. 94. Хала. 96. Кабан. 98. Вятка. 100. Штаб. 102. Пар.
104. Одесса. 105. Авария. 107. Тон. 108. Сноп. 110. Арка. 111. Анда.
112. Изаи. 114. Кот. 116. Отто. 117. Аист. 119. Амок. 121. Фаза. 124. Адажио.
125. Куртка. 127. Судак. 129. Амеба. 130. Мера. 131. Акс. 133. Агат.
134. Мул. 137. Ока.

Петр Степанович недоумевал, но ему некогда было задумываться над тем, что все это значит. На- прягая все силы, он бежал как можно скорее вперед, к капкану.

Вот и архарьи рога, чудовищно закрученные, нелепо высуну- тые из-под снега, как диковин- ный камень. Снег вокруг сильно истоптан и окровавлен.

Шахмин остановился и перевел дух. Вот и капкан. В капкане ни- чего нет.

— Неужели ушел?

Шахмин с тревогой и злобой ог- лянулся вокруг. Невдалеке, на сне- гу валялись еще две туши худых, поджарых волков. В стальных, крепко сомкнутых челюстях капка- на виднелся какой-то клочек. Шах- мин подошел совсем близко и на- гнулся. Ему не удалось разжать сразу острые зубья, но он пере- вернул капкан и посмотрел.

Это была лапа, задняя лапа барса. Та самая, след которой на- рисован в его записной книжке. Одна только лапа. Больше ничего.

— Неужели ушел раненый, на трех? — подумал Шахмин. — Не мо- жет быть, чтобы ушел далеко! Все равно найду по следу!

Он еще раз внимательно огля- нулся кругом.

К истоптанному месту, где вчера так осторожно, стараясь не смять свежий искристый снег, устанавли- вали капкан, приближались стари- ки Впереди всех — Карим Тапшо. Он уже не бежал, как полчаса на- зад, а шел важно, неторопливо и что-то бережно нес в руках.

Карим Тапшо подошел к лейте- нанту Шахмину вплотную. Любез- ная улыбка сияла на его старом сморщенном лице. Он сказал сов- сем весело:

— Ты быстро бежал с горы на своих ходячих досках. Твоя добы- ча. Возьми, пожалуйста!

И Карим Тапшо протянул Шах- мину то, что было у него в руках.

Это была голова барса. Старик держал ее за ухо. Белые клыки злобно скалились. Воинственно то- порщились усы. На губах запеклась бурая пена крови. Темный зрачок подернулся белой мертвой пленкой.

Шахмин взял голову и молча по- казал на капкан с защемленной в нем лапой. Карим Тапшо нагнулся, внимательно осмотрел капкан и оглянулся вокруг.

— Ай-яй-яй! — сказал он укориз- ненно. — Нехорошо. Спешил-спешил. Бежал-бежал. И поздно пришел. Волки шкуру сняли. Волки мясо съели. Тебе одну голову оставили. Бери, что оставили. Пойдем до- мой — плод остынет!

На последней странице обложки — депутаты Верховного Совета СССР от Туркменской ССР на площади Свердлова в Москве. Фото Б. Фишмана (Союзфото).

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ.

Издатель: ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Адрес редакции: Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 4-28-45.

НЕПРИНЯТЫЕ РУКОПИСИ И КРОССВОРДЫ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

Оформление И. Уразова.

Стат. формат 275 × 360 мм, 1/4 доля. 1 1/2 бум. листа.

Техн. редактор И. Ахрал.

Уполн. Главлита Б-33821. Изд. № 15. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 4/1-38 г. Подписано к печати 21/1-38 г. Зак. № 46. Тираж 300 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Наркомпищепром
СССР
Главпарфюмер

ПЭМЭ

ДУХИ, ОДЕКОЛОН
КРЫМСКАЯ РОЗА
нежного, стойкого запаха

ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

„ГЛАВКРАСКА“

организовало почтовую базу для обслуживания техникумов, ИЗО, художественных и средних школ, дворцов пионеров, дворцов культуры и индивидуальных художников — красками.

Заказы принимаются на высококачественные ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ, ДЕКОРАТИВНЫЕ, ЭТЮДНЫЕ И ГУАШЕВЫЕ КРАСКИ, ТЕМПЕРА, МАСЛА, ЛАКИ, РАСТВОРИТЕЛИ, КИСТИ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ в ассортименте и расфасовке по СТАНДАРТНОМУ АССОРТИМЕНТУ.

Товар отправляется почтовыми посылками срочно и аккуратно, наложенным платежом на стоимость товара, расходов по упаковке и пересылке.

Запросы об ассортименте и требования направлять с точным указанием адреса заказчика:

ЛЕНИНГРАД, набережная Красного флота, д. № 16
„ГЛАВКРАСКА“.

ПАРТКНИГА
КОГИЗ

ИЗУЧАЙТЕ
ИСПАНСКИЙ
ЯЗЫК!

ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

ИЗДАТ. Т-ВО
ИНОСТРАННЫХ
РАБОЧИХ

УЧЕБНИК ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

(Начальный курс). Составлен О. Васильевой. Под общей редакцией проф. В. Ф. Шишмарева. 1937. Ц. в пер. 5 р. 60 к.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ И КИОСКАХ КОГИЗ'а. ПОЧТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ в ближайшее областное (краевое) отделение КОГИЗ'а, а также по адресу: МОСКВА, ул. Горького, 51, Дом Интернациональной книги.

Не может быть вкусного блюда
закуски, бутерброда
дома и в ресторане
без приправы соевыми соусами
Соя-«Кабуль» и
«Восток»

ЗАВОДОВ ПРЕСТА
СОЮЗПРОМСОЯ
НКПП - СССР

Соевые соусы
„Соя-Кабуль“ и
„Восток“

изготавливаются из натураль-
ного /ферментативного/ соевого
соуса и высококачес-
твенных специй по рецеп-
там лучших английских соусов

Требуйте Соевые Соусы в магазинах
Тастроном, Бакалея, Главконсерва, Главмясо,
Главрыба, Главпища и др.

ЛУЧШАЯ ЖИДКАЯ КРАСКА для волос „бровей“ „Хна-Басмол“

ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО
ИЗ ИМПОРТНОГО
СЫРЬЯ

КРАСКА ПРОВЕРЕНА И
ИСПЫТАНА В КЛИНИ-
КАХ, ЛАБОРАТОРИЯХ
МОСКВЫ И РАЗРЕШЕ-
НА НАРКОМЗДРАВОМ

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕАТРАЛЬНЫЙ
КОМБИНАТ

ВТО

МОСКВА, ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР, дом № 26

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ, МАГАЗИНАХ САНГИ-
ГИЕНЫ, ГОСТОРГОВЛИ И КООПЕРАЦИИ

УКРАИНСКИЙ **БОРЩ**

НЕЛЬЗЯ
ВКУСНО
ПРИГОТОВИТЬ
БЕЗ

ТОМАТ - ПАСТЫ - ПЮРЕ

ПРОИЗВОДСТВА ЗАВОДОВ
ГЛАВКОНСЕРВА

ТОМАТ-ПАСТА И **ТОМАТ-ПЮРЕ**

СОХРАНЯЮТ ВСЕ ЦЕННЫЕ ВЕЩЕСТВА, СВОЙСТВЕННЫЕ
СВЕЖИМ ПОМИДОРАМ, ИХ НАТУРАЛЬНЫЙ ВКУС, ЦВЕТ
И ЗАПАХ

ПРОДАЖА
В ФИРМЕННЫХ
МАГАЗИНАХ
ГЛАВКОНСЕРВА
И В ДРУГИХ
ПРОДУКТОВЫХ
МАГАЗИНАХ.

НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР • **ГЛАВКОНСЕРВ**

Хим-те Шевченко

Огонек

Цена 50 коп.

Журнально - газетное объединение. Москва. 1938 г.